

Великая Отечественная: Неизвестная война
Владимир Бешанов

год 1944 – «ПОБЕДНЫЙ»

Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

Год 1944 – «победный»

«Яуза»

2009

Бешанов В.

Год 1944 – «победный» / В. Бешанов — «Яуза»,
2009 — (Великая Отечественная: Неизвестная война)

ISBN 978-5-699-34324-9

1944-й вошел в историю Отечественной войны как год «десяти сталинских ударов» и «решающих побед». О победах вспоминать всегда приятно. Поэтому о кампании 1944 года рассказывали, писали, снимали охотно и много: о гениальности советских полководцев, о героизме Красной Армии, в одиночку спасавшей Европу, и коварстве союзников, вставлявших палки в колеса, о народах, радостно встречавших освободителей. Это парадная сторона медали, которая выставлена для всеобщего обозрения и воспитания подрастающих поколений. Однако была у медали и другая, оборотная, сторона: даже в «победном 44-м» хватало и проваленных операций, о которых не принято вспоминать, и бездарных генералов, и вопиющих ошибок, и бессмысленных потерь: «Потери Красной Армии в 1944 году составили, по неполным данным, 6,5 миллиона солдат и офицеров убитыми и ранеными, то есть, как и в предыдущие годы, действующая армия была «израсходована» на 100 процентов. Превосходя Третий рейх по людским ресурсам в два с половиной раза, СССР начал призыв семнадцатилетних юношей одновременно с Германией. Потери Вермахта на всех фронтах за этот же период составили 1,6 миллиона человек...» Новая книга популярного автора – горькая правда о Великой Отечественной войне, напоминание о страшной цене победного 1944 года и кровавой изнанке сталинских триумфов.

ISBN 978-5-699-34324-9

© Бешанов В., 2009

© Яуза, 2009

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ЗИМНИЕ ПЛАНЫ	8
ПЕРВЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР	18
«СИНЯВИНСКИЙ ПОЛИГОН»	19
ЛЕНИНГРАДСКО-НОВГОРОДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	23
О ТОМ, ЧТО НЕ СБЫЛОСЬ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Бешанов

Год 1944 – «победный»

ВСТУПЛЕНИЕ

«Десять сталинских ударов – крупнейшие стратегические операции советских войск, осуществленные по плану и под непосредственным руководством Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР И.В. Сталина во время Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945гг.».

Большая Советская Энциклопедия, т. 14

Термин «десять сокрушительных ударов», обозначающий совокупность стратегических операций, проведенных советскими Вооруженными Силами в 1944 году, был пущен в употребление уже в 1945-м с подачи самого Сталина. Поэтому почти сразу они стали называться сокрушительными сталинскими ударами. Затем имя Сталина вычеркнули, но традиция установилась.

Маршал А.М. Василевский пишет: «В свое время было принято называть главные наши операции 1944 года на советско-германском фронте «десятью ударами»... И хотя позже эти названия вышли из употребления и помнит их лишь старшее поколение советских граждан, я считаю возможным напомнить о старой терминологии».

Старая терминология ушла, а вот сталинская хронология и трактовка вошли во все исторические учебники, хотя по порядку очередности второй удар был нанесен раньше первого и, по логике, был не вторым, а третьим. Стоит поглубже копнуть нашу историю, обязательно упрешься в «Краткий курс» и «Сталин о войне».

В предыдущей работе «Год 1942 – «учебный» я задался вопросом, как и почему на втором году войны немцы оказались на берегу Волги, и усомнился в профпригодности советских полководцев, имевших в обороне двойное превосходство над наступающим противником. Оказалось, я зря терял время. На страницах газеты «Аргументы и факты» Георгий Куманев, «руководитель Центра военной истории Института российской истории РАН, доктор исторических наук», с неподражаемым апломбом, опираясь на «документы и факты», разъяснил суть вопроса в одном предложении: «Ставка Верховного Главнокомандования ожидала нового наступления противника не на Южном направлении, а под Москвой».

Под Сталинградом немцев, оказывается, «не ожидали». Все гениальное просто. И как многое объясняет.

Вот в июне 1941 года наше военно-политическое руководство надеялось, что Гитлер ударит через Украину, а он основным направлением избрал Белоруссию. Вот и сдали Минск – не ожидали. В сентябре рассчитывали, что 2-я танковая группа двинется на Москву, а она повернула на Киев. Пришлось от неожиданности сдать и его. Затем думали, что Гудериан зазимует на Украине, а он, «подлец», ударил-таки на Москву, но не через Брянск, где ожидалось, а через Глухов и Орел.

Год спустя немцев ждали под Москвой, а они взяли и приехали в Сталинград. Не чаяли также увидеть врага в Майкопе, Элисте, Пятигорске, Керчи, Новороссийске, Ворошиловграде, Армавире. Совсем не ожидали увидеть германские штандарты на вершине Эльбруса.

Глубина исторического анализа самого драматического периода Отечественной войны потрясает. Центру военной истории России и его руководителю есть чем гордиться. Это сравнимо только с самсоновской версией о том, что Сталин специально заманил немцев на Волгу,

чтобы тем вернее их «загубить». Правда, для этого не надо было проникать в потаенные хранилища и заглядывать в сверхсекретные папки с «документами и фактами». Достаточно просто снять с полки жуковские мемуары.

Если все это является признаком высокого профессионализма «красных маршалов», то я и спорить не буду. В конце концов «у советских собственная гордость». Хотя воспоминания самых прославленных советских полководцев натурально пестрят признаниями в собственной непригодности: «мы этого еще не умели», «у нас это еще не получалось», «сейчас я знаю, как следовало бы поступить тогда». Об этом писали Василевский и Рокоссовский, Еременко и Захаров, Казаков и Гречко, Катуков и Ротмистров, Горбатов и Москаленко, Баграмян и Чуйков. Разве это недостаточная «причина» наших поражений?

Озадачившись проблемой: «А как Красная Армия оказалась в Европе?», я сразу стал сверять себя по Куманеву. Что сказал бы по этому поводу «руководитель Центра»? Наверное, следуя логике рассуждений, – что немцы Красную Армию в Европе не ждали; они думали: Сталин двинет войска в Индию или Китай, а он непредвиденно ударил на Ригу, Варшаву и Будапешт.

Здесь я не согласен. Во-первых, мне кажется, что немцы все-таки чего-то подобного от нас «ждали»; во-вторых, все было несколько сложнее и интересней.

Итак:

«Год 1944 – «победный» – включает зимнюю кампанию (1-й, 2-й, 3-й сталинские удары) и летнюю кампанию (4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й сталинские удары). В период зимней кампании были разгромлены немецко-фашистские войска под Ленинградом, на Правобережной Украине, в Крыму, а в период летней кампании – в районе Карелии, в Белоруссии, Западной Украине, на Балканах, в Прибалтике, в Венгрии и в Северной Финляндии»

ЗИМНИЕ ПЛАНЫ

Уже в начале войны с гитлеровскими захватчиками товарищ Сталин предвидел, что наши силы в ходе этой войны, несмотря на временные потери ряда областей и городов, будут расти и победа будет на нашей стороне.

Из доклада А.С. Щербакова

К концу 1943 года Красная Армия, выиграв битвы на Курской дуге и Днепре, освободила более двух третей оккупированных территорий и вышла на подступы к Витебску, Орше, Житомиру, Кировограду, Кривому Рогу, Перекопу, Керчи, захватив на правом берегу Днепра, на Керченском полуострове и на южном берегу Сиваша плацдармы оперативного и стратегического значения.

К началу 1944 года стратегическая инициатива находилась в руках советского командования и уступить ее противнику Сталин не собирался.

«Война вступила в ту стадию, – указывал Верховный Главнокомандующий в докладе, посвященном 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, – когда дело идет о полном изгнании оккупантов с советской земли и ликвидации фашистского «нового порядка в Европе».

Красная Армия готова была к новой наступательной кампании.

На начало 1944 года в советских Вооруженных Силах в составе 70 общевойсковых, 5 танковых, 17 воздушных и 4 армий ПВО имелось 682 расчетные дивизии – 531 стрелковая, воздушно-десантная и кавалерийская, 2 танковые и механизированные дивизии, 298 бригад. На вооружении они имели 24 400 танков и САУ, 244 400 орудий и минометов (плюс, как правило, не учитываемые 92 800 минометов калибра 50 мм), 4800 реактивных установок, 32 500 боевых самолетов (а всего – 46 400 машин).

Из них 55 армий – 464 дивизии и 169 бригад – находились в составе действующих фронтов и флотов.

Всего в январе 1944 года противнику на советско-германском фронте противостояли 6268 тысяч человек личного состава, 101 400 орудий и минометов (без 50-мм минометов), 2167 установок реактивной артиллерии, 5800 танков и САУ, 13 400 боевых самолетов.

В резерве Ставки находились три общевойсковые, две танковые армии, управления двух общевойсковых и воздушной армии, шесть танковых, механизированный, воздушно-десантный и смешанный авиационный корпус.

В истекшем 1943 году военная экономика СССР достигла новых успехов. В строй вступало и восстанавливаемое хозяйство в освобожденных районах.

Это позволило произвести в 1944 году 4,86 миллиона единиц стрелкового оружия (без револьверов и пистолетов), 47 300 орудий и минометов (кстати, это почти в три раза меньше, чем в 1943 году, за счет резкого снижения производства минометов, количество которых перевалило за 227 000 единиц), 29 000 танков и самоходных установок (в том числе 14 648 машин типа ИС и 14 648 Т-34), 33 200 боевых самолетов, 4 боевых корабля. Еще 5700 танков, 3400 самолетов и 575 кораблей поставили по ленд-лизу союзники. Только в декабре 1943 года в действующую армию было направлено 1639 танков и САУ, 4584 орудия и миномета.

При этом повышались боевые качества вооружения.

В танковые и механизированные войска поступили тяжелый танк ИС, вооруженный 122-мм орудием, и модернизированная «тридцатьчетверка» с 85-мм пушкой, самоходные артиллерийские установки ИСУ-152, ИСУ-122 и СУ-100, что позволило частично ликвидировать отставание от Панцерваффе, возникшее летом 1943 года.

Английский военный историк Алан Кларк, отмечая высокий уровень унификации, позволивший выдавать бронетехнику в огромных количествах, пишет: «...русские продолжали производить огромное количество бронетехники с минимумом вариантов. Шасси Т-34 шли с заводов в количествах до 2 тысяч ежемесячно, причем они делились поровну между обычными типами Т-34/85 и самоходного орудия СУ. Советская артиллерийско-техническая служба создала две новые противотанковые пушки – длинноствольную 100-миллиметровую и 122-миллиметровую, и теперь «сотку» стали устанавливать на самоходные орудия СУ вместо 85-миллиметровой пушки. Ни одна из этих новинок не имела преимуществ в начальной скорости или качестве снаряда перед немецкими вариантами 88-миллиметровой или длинноствольной 75-миллиметровой, но за счет веса снаряда достигался тот же эффект при прямом попадании. Такие тяжелые снаряды ограничивали запас СУ и сильно стесняли экипаж, но численное превосходство русских, их привычка терпеть крайние неудобства и энтузиазм при виде нового оружия более чем компенсировали это».

Артиллерийские войска получали на вооружение 160-мм минометы, а авиационные соединения – истребители Як-3, Ла-7, штурмовики Ил-10.

Совершенствовалась и организационная структура войск. Завершился процесс восстановления управления стрелковых корпусов. Общевойсковая армия стала иметь, как правило, три корпуса, насчитывавших в своем составе 8 – 9 стрелковых дивизий. Всего за 1943 год было создано 126 стрелковых корпусов.

Советская пехотная дивизия в 1944 году по штатному составу практически сравнялась с немецкой: 11 706 человек, 6390 винтовок и карабинов, 4115 автоматов и пулеметов, 127 минометов, 112 орудий.

В артиллерийских войсках было сформировано 6 артиллерийских корпусов, 26 артиллерийских дивизий, 7 гвардейских минометных дивизий, 20 отдельных артиллерийских и 11 минометных бригад, 50 истребительно-противотанковых артиллерийских бригад и 140 полков.

В ВВС смешанные авиационные корпуса переформировывались в однородные – истребительные, штурмовые и бомбардировочные.

Быстрыми темпами развивались бронетанковые и механизированные войска. В январе 1944 года была сформирована шестая по счету танковая армия.

Формирование пяти танковых армий как мощных фронтовых ударных соединений было начато весной 1942 года, после того как оправались от катастрофических потерь начального периода войны и заново наладили производство бронетехники. Первый опыт оказался не совсем удачным. Армии имели смешанный состав: наряду с танковыми корпусами в них включали 3 – 5 стрелковых дивизий. В результате армия не имела необходимой монолитности и мобильности при выполнении оперативных задач. Если она опиралась на стрелковые соединения, то ее действия ничем не отличались от действий общевойсковой армии; в то же время ей не предоставлялась возможность использовать подвижность корпусов, так как они сковывались малой маневренностью стрелковых соединений. В последующем эти танковые армии расформировали. А в первой половине 1943 года были созданы пять гвардейских танковых армий новой организации.

Каждая такая армия состояла из двух танковых и одного механизированного корпусов, отдельной танковой и одной-двух самоходно-артиллерийских бригад, а также артиллерийских частей. По штату танковая армия должна была иметь около 800 танков и САУ и до 750 орудий и минометов. Фактически состав и количество техники в армии были величиной переменной: от 300 до 1000 танков и самоходок и от 500 до 850 орудий и минометов.

Советский танковый корпус образца 1944 года по мощи примерно был равен немецкой танковой дивизии: 10 977 солдат и офицеров, 152 орудия и миномета, 258 танков и САУ.

Советский механизированный корпус значительно превосходил мотодивизию противника: 16 369 человек, 252 орудия и миномета, 246 танков и САУ.

Аналогичные немецкие соединения имели преимущество лишь в количестве зенитной артиллерии и автотранспорта.

К началу 1944 года в Красной Армии имелось 5 танковых армий, 24 танковых и 13 механизированных корпусов, 80 отдельных танковых бригад, 106 отдельных танковых и 43 самоходно-артиллерийских полка.

Но и это не главное. Много, порой даже слишком много, личного состава и огромное количество техники Красная Армия имела в своем распоряжении всю войну. Но ее командование далеко не всегда умело этими ресурсами, которые никакому Гудериану и не снились, с толком распорядиться. Низкий уровень профессиональной подготовки и общего кругозора командиров всех уровней, неумение руководить войсками в современной войне, пренебрежение индивидуальной выучкой отдельного бойца привели в начальном периоде войны к целому ряду сокрушительных поражений, поставивших Советский Союз на грань существования.

В письме маршала Г.К. Жукова, не предназначенном для мемуаров, 22 августа 1944 года начальнику Главного управления кадров генерал-полковнику Ф.И. Голикову говорится о некоторых уроках:

«При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны.

Чему научит полученный опыт?

Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронта встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Тюленев, Рябьшев, Тимошенко и др.)

...

Еще хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры.

Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

Выводы. Если мы не хотим повторять ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Затраченные средства окупятся успехами войны...

Во-вторых, мы безусловно оказались неподготовленными с кадрами запаса.

*Все командиры, призванные из запаса, как правило, не умели командовать полками, батальонами, ротами и взводами. **Все эти командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей** (все генералы тоже учились войне на войне, и об этом многие из них прямо пишут в своих мемуарах. – В.Б.).*

В-третьих, мы не имели культурного штабного командира и, как следствие, не имели хорошо сколоченных штабов.

В-четвертых, в культурном отношении наши офицерские кадры недостаточно соответствовали требованиям современной войны. Современная война – это на 8/10 война техники с техникой врага, а это значит, нужно быть культурным человеком, чтобы уметь быстро разбираться со своей техникой и техникой врага и, разобравшись, грамотно применить свою технику.

Нужно правду сказать, что из-за неграмотности и бескультурья наших кадров мы несли очень большие потери в технике и живой силе, не достигнув возможного успеха.

В-пятых, существующая в мирное время система обучения и воспитания наших кадров не дала нам для войны образцового и авторитетного командира».

В 1943 году Красная Армия качественно изменилась в лучшую сторону в вопросах организации, планирования, управления боем.

Генерал-полковник танковых войск В.С. Архипов, прошедший войну с первого дня до последнего, многое испытывавший на себе лично, отмечает: «Можно ведь создать огромной численности дивизии и корпуса, а воевать они от этого лучше не станут. Но реорганизация, о которой идет речь, отражала в своих цифрах очень важный факт: советские танковые войска уже полностью оправились от потерь, понесенных в сорок первом году, а их командный состав приобрел богатый опыт управления большими массами танков. Улучшился, и очень резко, механизм управления, в том числе связь и все виды и методы снабжения танковых войск и т. д. Все это позволило насытить те же самые соединения большим числом людей и техники...

Отмечу также резко возросшее мастерство в планировании операций и управлении войсками со стороны крупных танковых штабов. Несогласованность в действиях, медлительность в оценке обстановки и выработке решений, слабая связь и прочие подобные неурядицы, которыми грешили, к примеру, мы во время танкового контрудара под Дубно в июне сорок первого года, к началу сорок четвертого года практически уже не повторялись. Радовала теперь высокая культура штабной работы».

Качественные изменения отмечает и противник: «Русские быстро научились использовать новые виды оружия и, как ни странно, показали себя способными вести боевые действия с применением сложной военной техники... Русские постоянно совершенствовались, а их высшие командиры и штабы получали много полезного, изучая опыт боевых действий своих войск и немецкой армии. Они научились быстро реагировать на всякие изменения обстановки, действовать энергично и решительно».

На пользу армии пошла и отмена института комиссаров. Боевой дух войск был высок, как никогда: мы гнали «фрицев» на запад.

В этих условиях Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин поставил задачи Вооруженным Силам на 1944 год: «Дело состоит теперь в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря. Но наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей родины... Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны выволочить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии».

Работа над планом военных действий на зимний период началась осенью 1943 года. Как и в прежние годы, никакой передышки не предусматривалось. «В ходе операций советских войск летом и осенью этого года, – писал Сталин президенту Рузвельту, – выяснилось, что наши войска могут и впредь продолжать наступательные операции против германской армии, причем летняя кампания может перерасти в зимнюю».

Окончательное решение было принято в начале декабря 1943 года на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП (б), ГКО и Ставки.

В устоявшейся версии: «Стратегический замысел Верховного Главнокомандования на зимнюю кампанию 1944 года заключался в том, чтобы путем последовательных ударов нанести противнику поражение: на северо-западном направлении – группе армий «Север», на юго-западном – группам армий «Юг» и «А». **На центральном участке фронта наступательные действия должны были сковать силы врага.** Таким образом, предусматривалось наступление от Балтийского до Черного моря с целью разгрома фланговых стратегиче-

ских группировок противника в районе Ленинграда, на Правобережной Украине и в Крыму. Успешное решение этих задач создавало благоприятные условия для летне-осеннего наступления Красной Армии в Белоруссии, Прибалтике и на юго-западе.

Существенной особенностью стратегического замысла являлось то, что наступление Красной Армии в предстоящей кампании планировалось поэтапно, **а не одновременно** на всем протяжении советско-германского фронта. Это позволяло создавать мощные группировки советских войск с решающим превосходством сил и средств над врагом. Такие группировки должны были в короткий срок добиваться разгрома противостоящих группировок противника, образуя бреши в его обороне на избранных направлениях».

Это подтверждает генерал армии С.М. Штеменко: «Для распыления же резервов противника наиболее целесообразно было чередовать наши операции по времени и проводить их по районам, значительно удаленным друг от друга. Все это предусматривалось в планах кампании первой половины 1944 г.».

Все это придумано после войны по итогам достигнутых результатов. На самом деле наступать должны были все и одновременно на всех направлениях, но не везде получилось.

На Тегеранской конференции Сталин дал согласие на вступление Советского Союза в войну с Японией, а союзники твердо пообещали высадить войска в Северной Франции не позднее мая 1944 года. Однако вопрос о признании советских территориальных приобретений 1939 – 1940 годов по-прежнему висел в воздухе. Англичане защищали интересы польского эмигрантского правительства, американцы «переживали» за прибалтийские республики.

Поэтому стратегической задачей Красной Армии было к концу весны выйти на государственную границу практически на всем ее протяжении и перенести боевые действия за пределы СССР.

Тот же Штеменко на другой странице пишет: «Если говорить о политической цели предстоящих операций, то она состояла прежде всего в полном освобождении нашей страны от немецко-фашистских захватчиков».

Главный удар Ставка планировала нанести силами четырех фронтов на юго-западном направлении с целью разгромить группы армий «Юг» и «А» и выйти на подступы к Южной Польше, Чехословакии и Балканам. Мощный удар на этом направлении позволял немедленно и наиболее эффективно использовать результаты осеннего наступления для сокрушения стратегической обороны противника не только на юге, но и на всем советско-германском фронте. Немцы, отброшенные от Днепра, не имели здесь укрепленных рубежей и стабильного фронта. Здесь же находилась наиболее крупная группировка Красной Армии, включавшая основную массу танковых и механизированных соединений, что позволяло подготовить новые операции быстро и без значительных перегруппировок.

Успех на юго-западном направлении приводил к освобождению районов с высокоразвитой металлургической и горнорудной промышленностью, а также плодородных земель между Днепром и Прутом. Соответственно Германия лишалась крупнейших источников стратегического сырья. Кроме того, выход советских войск к Балканам неизбежно приводил к давлению на позицию союзников Гитлера – Венгрии и Румынии.

Военно-политическая обстановка благоприятствовала решению этих задач.

После четырех с лишним лет войны нацистская Германия была дальше от поставленных фюрером целей, чем в первые два. Время успехов германского оружия ушло в прошлое.

«В связи с провалом операции «Цитадель», – признает генерал Б. Мюллер-Гиллебранд, – на Восточном фронте были израсходованы боеспособные и полностью моторизованные войска, однако стратегическая инициатива не была вырвана у противника... в ходе отступления немецких войск противнику была оставлена территория, достигавшая глубины на юге свыше 1000 км, в центре – свыше 300 км и на севере – свыше 200 км. Отход немецких войск не был

результатом заранее запланированных оборонительных операций, осуществляемых по своей воле в целях сохранения сил, а являлся следствием ряда поражений, нанесенных немецким войскам противником, который опрокинул перешедший согласно приказу в жесткую оборону фронт немецких войск. Потери в личном составе и материальной части войск были высокими. Боевой дух снизился».

Инициатива безвозвратно перешла к противнику.

Приближающийся 1944 год не сулил побед претендентам на мировое господство. Обстановка на фронтах и театрах вооруженной борьбы становилась для завоевателей «жизненного пространства» все более неблагоприятной. Международное положение рейха также резко ухудшилось. Италия уже совершила «предательство» – сначала капитулировала, а затем объявила войну Германии. Дальневосточный союзник – Япония перешла к стратегии обороны, имея перед собой в лице США и Великобритании противников, обладавших превосходящими силами.

Германское военно-политическое руководство вынуждено было отказаться от наступательной стратегии. Гитлер, Кейтель, Йодль и прочие полководцы, продолжая планировать и направлять действия вермахта, по существу не имели уже никакого осмысленного плана ведения войны. Передышки не было, на Востоке и в Италии союзники по коалиции вели беспрерывное наступление. Многие крупные города Германии лежали в развалинах.

Приходилось считаться с реальной возможностью масштабной десантной операции англо-американских войск в Северной Франции и усиливать группировку войск на Западе.

Вместе с тем Гитлер и его окружение все больше рассчитывали на то, что при дальнейшем развитии мировых событий США и Англия столкнутся с Советским Союзом и повернут против него свое оружие. Генерал Ф. Меллентин впоследствии писал: «Раскол между Советским Союзом и англо-американцами – вот что было нашей реальной надеждой». Стратегической целью Гитлера было создать условия, при которых коалиция лишится уверенности в достижении единства между отдельными участниками.

Нацистские бонзы и высший генералитет все чаще думали о возможности сепаратного мира с США и Англией при условии устранения фюрера. Мира с Гитлером не желал никто.

Общую установку на новую кампанию можно свести к одной фразе: выигрывать время в надежде на лучшее. У военных подобная стратегия энтузиазма не вызывала.

Германское военное руководство «...ограничивалось только тем, чтобы максимально быстро и наиболее целесообразно реагировать на все действия противника для выигрыша времени, а также пыталось поддерживать на должном уровне боеспособность своих вооруженных сил. Однако выигрыш времени не был использован для достижения политических целей. С помощью изощренной пропаганды о несуществующем «чудесном оружии», различного рода призывов «устоять и выдержать» от немецкого народа скрывалась бессмысленность дальнейшего продолжения войны и внушались надежды на поворот к лучшему, несмотря на все поражения. Там, где пропаганда не достигала цели, в действие вступало жестокое принуждение».

Однако ход мировой войны далеко еще не был завершен. В распоряжении верхушки рейха оставалось достаточно сил и средств для продолжения борьбы. Признавая, что ударная мощь вермахта в летних боях 1943 года на Восточном фронте была сильно подорвана, Гитлер в своем приказе от 27 ноября того же года заявил: «Я намерен восстановить боевую силу сражающихся на фронте войск с помощью самых беспощадных методов и сломить посредством драконовских наказаний всякое сопротивление отданным приказам. Независимо от того, что все возможности привлечения резервов из гражданского сектора уже иссякают, виды вооруженных сил и войска СС должны теперь прежде всего из своих собственных рядов выделить и направить на фронт необходимые силы. Я требую, чтобы в видах вооруженных сил и в войсках

СС были незамедлительно приняты меры, чтобы из их состава был выделен и направлен на фронт по меньшей мере один миллион мужчин...»

На основании этого приказа на 25 процентов сокращались штаты штабов и тыловых частей, ряд должностей в воинских учреждениях комплектовался за счет женщин, расформировывалась одна треть учебных частей, «упрощались» требования при определении степени годности для службы в действующих частях.

Меры по изысканию новых источников живой силы позволили в течение первых пяти месяцев 1944 года вновь сформировать 24 дивизии сухопутных сил, 3 дивизии военно-воздушных сил и 13 дивизий войск СС.

Тоталитарные режимы развиваются по единым законам: 22 декабря 1943 года Гитлер отдал приказ о введении «национал-социалистического руководства в вермахте». В ОКВ создавался штаб по национал-социалистическому руководству, начальник которого подчинялся непосредственно фюреру. Этот орган должен был установить «тесную связь с национал-социалистической партией как выразительницей политической воли». Точно такие же штабы создавались во всех видах вооруженных сил вплоть до штаба дивизии, а ниже батальона включительно – внештатные офицеры по национал-социалистическому руководству. У «моделей» и «манштейнов» появились свои «политруки», поскольку, по мнению фюрера: «Войны такого масштаба не решаются за счет численного и материального превосходства... Задачей офицера по национал-социалистическому руководству является активизация политического воспитания солдат, преданных национал-социализму».

К началу 1944 года вермахт имел 19 армейских объединений, которые включали в себя 264 пехотных, 50 танковых и моторизованных дивизий и 8 бригад – всего 318 расчетных дивизий. В вооруженных силах насчитывалось 9,4 миллиона человек, из них более 7 миллионов в сухопутных силах и войсках СС. Численность действующей армии составляла 4 268 640 человек, 9133 танка и штурмовых орудия (в том числе 477 командирских, не имевших пушечного вооружения, и 1546 снятых с производства устаревших легких машин, использовавшихся для охранной службы в тылу и учебных целях), из них на Восточном фронте, Западе и в районе Средиземноморья – 117 расчетных дивизий, 1 100 000 человек. На Восточном фронте в составе 12 армий находилась 201 расчетная дивизия, в том числе 22 танковых и 9 моторизованных – 2528 тысяч человек. Кроме того, против Красной Армии действовали 15 финских, 9 венгерских, 12 румынских и 2 словацкие дивизии.

Вместе это составляло 3480 тысяч человек, 54 570 орудий и минометов (без 50-мм минометов и реактивных установок), 5400 танков и штурмовых орудий, 3073 боевых самолета.

В резерве Верховного Главнокомандования Вооруженных сил Германии имелось 8,5 дивизии, которые дислоцировались в восточных районах рейха, в Австрии, Чехословакии, Польше.

Немецкая танковая дивизия в 1944-м имела штат 14 727 человек, 275 орудий и минометов, 125 танков и штурмовых орудий.

В составе мотодивизии имелось 15 421 человек, 232 орудия и миномета, 45 танков.

Пехотная дивизия имела по новому штату: 10 708 человек, 9420 карабинов, 2311 автоматов и пулеметов, 86 минометов, 104 орудия. Кроме того, предусматривалось 2005 штатных мест для «добровольцев вспомогательной службы» – славян на службе вермахта. Они задействовались в основном в обозах, частях снабжения и ремонтных подразделениях и, по свидетельству немцев, службу несли «честно». Долгое время стыдливо замалчиваемый факт: только в сухопутных войсках Германии к середине 1944 года служило полмиллиона советских граждан.

Военная экономика Германии, несмотря на англо-американские стратегические бомбардировки, работала бесперебойно. Выпуск военной продукции в 1944 году продолжал расширяться, производство вооружений достигло самого высокого уровня за всю войну и перекрывало потери.

В 1944 году военная промышленность выпустила 2,5 миллиона винтовок и карабинов, 78 900 орудий и минометов, 17 489 танков и штурмовых орудий, 32 900 боевых самолетов, 230 подводных лодок, 310,3 миллиона снарядов и мин. Значительно увеличилось производство танков и штурмовых орудий, превысившее в конце 1943 года 1000 машин ежемесячно. К концу 1944 года оно достигло своего пика и составило почти 1800 танков, штурмовых орудий и истребителей танков в месяц. Повысился удельный вес новейших типов танков. Удалось наладить, по немецким понятиям, «массовое производство» – свыше 300 машин в месяц – прекрасных танков типа V. По многим параметрам «пантера» превосходила знаменитую «тридцатьчетверку», однако в ответ на 3125 произведенных германской промышленностью «пантер» советская сторона выдала 14 648 танков Т-34, а на 1000 «тигров» приходилось 2250 «Иосифов Сталинов».

В связи с введением новых эффективных противотанковых средств «панцерфауст» и «офенрор» – прототипов сегодняшних гранатометов – повысились возможности борьбы с танками в условиях ближнего боя.

Большие надежды возлагались на ковавшееся в неких тайных лабораториях «чудо-оружие».

Однако всего этого было уже недостаточно для ведения наступательных операций. Обстановка на Восточном фронте не оставляла никакой надежды на возобновление активных действий большого масштаба.

В начале 1944 года начальник германского Генерального штаба в докладе на совещании высших офицеров говорил: «Каждое наступление, не приведшее к полному успеху, заканчивается обороной. В связи с этим Германия после провала попытки победить Россию силой оружия вынуждена была перейти на востоке к обороне». Вынужденный признать неопровержимые факты, докладчик продолжал: «Наша ближайшая задача: продолжая вести оборону на востоке имеющимися там силами, отразить большое наступление на западе, которое, безусловно, предстоит. В связи с этим имеется намерение захватить инициативу в свои руки с тем, чтобы иметь возможность перебросить на запад и в район Средиземноморья войска, необходимые для наступательных боевых операций, способных решить исход войны. До этого момента следует и дальше изматывать противника на фронтах на востоке и в Италии, ведя в рамках стратегической обороны отдельные наступления, и упорно удерживать свои рубежи».

Впервые после развязывания агрессии гитлеровская Ставка помышляла о позиционной борьбе. С этой целью военное руководство Германии стремилось «ослаблять силы русских и удерживать рубежи, расположенные как можно дальше к востоку от границ Германии и важнейших сырьевых источников, которые еще оставались в руках немцев». Во многом немцы полагались на глубоко эшелонированную оборону, но на южном крыле Восточного фронта они еще не успели ее создать. Генерал Мюллер-Гиллебранд сообщает: «Сил более не хватало. Маневренность, как основной элемент боевых действий, не могла более быть обеспечена. Возмещение ожидаемых потерь можно было осуществлять лишь в ограниченной степени... На Востоке у Гитлера не было теперь никаких наступательных планов».

Германское командование предполагало, что основные усилия Красной Армии будут нацелены на южную половину Восточного фронта для наступления к Балканам и Южной Польше. Достаточно точно прогнозируя намерения сталинской Ставки, оно считало, что советские войска нанесут главный удар по северному флангу группы армий «Юг» из района Киева с

целью выйти на Днестр и румынскую границу и одновременно будут продолжать наступление из района Днепропетровска, на нижнем течении Днепра и в Крыму, а также против группы армий «Центр» на бобруйском направлении. Другую крупную наступательную операцию германское командование ожидало против смежных флангов групп армий «Север» и «Центр» с нанесением ударов из районов Невеля и восточнее Витебска в направлениях на Даугавпилс, Рига, Минск и Вильнюс.

Единственную возможность предотвратить катастрофу немцы видели в том, чтобы перевести военные действия в позиционные формы. Предусматривалось путем ведения стратегической обороны, сочетая упорную защиту занимаемых рубежей с контрударами на отдельных участках, удержать всю занимаемую территорию, обескровить Красную Армию и заставить ее прекратить наступательные операции. Все предложения фронтовых командующих о сокращении линии фронта и отводе войск на более выгодные рубежи Гитлер отверг категорически.

Предусматривая упорное удержание занимаемых позиций, Верховное командование вермахта не отказалось от намерений восстановить оборону по Днепру. В конце 1943 года оно готовило удар на Киев с целью сбросить советские войска с правого берега реки, а также намерено нанести удар с никопольского плацдарма в южном направлении восстановить связь с отрезанной в Крыму группировкой.

Таким образом, основной линией стратегического поведения германского командования на Востоке являлась упорная борьба с целью удержать занимаемые рубежи и осуществление в рамках этой обороны частных наступательных операций для улучшения оперативного положения войск в предвидении перехода к активным действиям.

Планы обороны на советско-германском фронте обуславливались также рядом соображений политического и экономического характера. Удерживая занимаемые рубежи, германское руководство надеялось внушить немецкому народу и своим союзникам мысль о том, что фронт проходит в глубине Советского Союза, поддержать тем самым иллюзии «прочных завоеваний» на Востоке.

Особое значение придавалось удержанию Правобережной Украины и Крыма с их богатыми продовольственными ресурсами, марганцем Никополя, рудой Криворожья и Керчи, а также бассейна Черного моря с первоклассными морскими портами. Немецкое командование учитывало важное стратегическое положение Правобережной Украины и Крыма, как районов, прикрывающих подступы к Южной Польше, Балканам и обеспечивающих контроль над центральной и западными частями Черного моря.

Были у германского Генштаба и другие расчеты. Немцы видели, что потери Красной Армии невообразимо велики. Как вспоминает Манштейн: «...можно было предполагать, что человеческие ресурсы Советского Союза постепенно иссякнут. Резервы старших возрастов, из которых он черпал силы для своих новых формирований, казалось, в основном уже были израсходованы. Если в качестве пополнения для фронта оставался только новый призывной возраст, то противник не мог уже больше создавать новые формирования в большом масштабе...»

Верно, если в 1941 году в Красной Армии были сформированы заново 571 расчетная дивизия, в 1942-м – 333, в 1943-м – 125, то в 1944 году – всего 25 расчетных дивизий. За этот же период немцы разгромили и уничтожили 337 советских дивизий, безвозвратные советские потери составили около 8 миллионов военнослужащих.

Вермахт за четыре с половиной года войны с 1939 года потерял уничтоженными и расформированными 140 дивизий и около 2,3 миллиона человек убитыми и пропавшими без вести, и это считалось «большими потерями».

«В этих тяжелых боях, – признавал командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн, – было неизбежным все более сильное падение боеспособности наших соедине-

ний... ОКХ не имело необходимого для нас пополнения в технике и людях, чтобы компенсировать потери».

Германские вооруженные силы нуждались в передышке для восстановления людских и материальных резервов, особенно на южном крыле фронта, где они понесли наиболее ощутимые удары.

Гитлер еще верил в победу. Как пишет Алан Кларк, «он обманывал себя, подсчитывая дивизии «по количеству», и, не обращая внимания на новое качество Красной Армии, делал сравнения с 1941 годом...».

Генералы считали руководство фюрера катастрофически некомпетентным; Гитлер, в свою очередь, недостаточно доверял армии, чтобы предоставить ей самостоятельность.

Наступал новый, 1944 год – «год решающих побед».

ПЕРВЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...нанесли войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов при поддержке артиллерии кораблей Балтийского флота и артиллерии Кронштадта под Ленинградом и Новгородом»

Цель операции, согласно всем источникам, состояла в том, «чтобы разгромить немецко-фашистскую группу армий «Север», полностью снять блокаду и очистить Ленинградскую область от немецко-фашистских захватчиков», а также создать благоприятные условия для «освобождения Советской Прибалтики».

Это не совсем так.

Наша военно-историческая наука при описании наступательных операций Красной Армии всегда выдавала достигнутое за желаемое. К примеру, если войска двух фронтов в течение месяца штурмовали деревню Гадюкино, то можно быть уверенным, что в анналах записано, будто целью операции являлось именно овладение важным стратегическим пунктом Гадюкино и освобождение от захватчиков территории колхоза «Заветы Ильича». Если же Гадюкино освободить так и не удалось, значит, целью было «сковать силы противника» и не дать ему перебросить резервы на другие направления. И действительно, противник резервы не перебрасывал, как правило – и не собирался. Значит, цель операции достигнута, а Гадюкино нас и вовсе не интересовало.

Подготовка к первому удару началась в сентябре 1943 года. А 20 октября Калининский фронт был переименован в 1-й Прибалтийский; на базе полевого управления Брянского фронта был сформирован 2-й Прибалтийский. Что бы это значило? Генерал Г.Г. Семенов по этому поводу вспоминает:

«Переименование фронтов имело большое моральное и политическое значение. Мы теперь смотрели вперед, туда, где лежало Балтийское море, и мысленно прикидывали предстоявший путь».

Именно это и являлось конечной целью планируемой стратегической операции не трех, а четырех фронтов (Сталин тоже «мысленно прикидывал»), а снятие блокады – важным, но лишь первым ее этапом.

«СИНЯВИНСКИЙ ПОЛИГОН»

Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года, когда немцы прорвались через станцию Мга, овладели Шлиссельбургом и вышли на берег Ладожского озера, отрезав город с суши.

В течение почти полутора лет Ленинград от остальной страны отделял коридор шириной всего 15 км, в военных сводках получивший название шлиссельбургско-синявинский выступ. Попытки прорвать блокаду начали предприниматься почти сразу. Но и два наступления через Синявино, и более амбициозная Любанская операция, затеянная с целью разгромить всю группу армий «Север», провалились в основном из-за бездарности генералитета, необученности войск и преступно-халатной организации.

Главная роль во всех попытках оказать действенную помощь Ленинграду играла 2-я ударная армия. По определению, ударная – армия, предназначавшаяся для разгрома группировок противника на важнейших направлениях. И первым ее командиром стал «большой полководец», заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, возмнивший себя Александром Суворовым новейшего времени. Он сразу деятельно занялся подготовкой войск, издавая репринтные приказы из «Науки побеждать»:

«1. Хожение, как ползанье мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг – аришин, им и ходить. Ускоренный – полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марши прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак – затемно, перед рассветом, а обед – затемно, вечером. Днем удастся хлеба поесть или сухарь с чаем пожевать – хорошо, а нет – и на том спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем – и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем большие роты колоннами ходить нельзя, а вообще на войне для похода – ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцом и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!..»

Правда, через месяц, перед Любанской операцией, кретина с должности сняли. Армию возглавил генерал Н.К. Клыков. И завел ее в Мясной Бор. Затем, сказавшись больным, улетел поправлять здоровье. Николай Коняев в своей книге приводит воспоминания лейтенанта И. Никонова об этих боях:

«За дни наступления пищи никакой не получали. Кухня не подходила за километры... Патронов давали по одной-две обоймы, приходилось брать у раненых и погибших... Особенно запомнились три молодежных батальона, среднего возраста лет двадцати в белых халатах. Как пришли, сразу пошли в наступление, и через полтора часа из них почти никого не осталось. Пополнения приходили, и мы все вели наступление, а немец нас как траву косил. Перед позициями немцев все было избито снарядами, устлано трупами и даже кучи трупов были, так как раненые тянулись, наваливались на трупы и тоже умирали или замерзали. У нас ячеек или траншей никаких не было. Ложились в воронки и за трупы, они служили защитой от противника... Трупы с переднего края никто не убирал и не рассматривал, кто здесь убит, так как если этим заниматься перед взором противника, то еще очень много потеряешь людей, поэтому они здесь истлевали без вести пропавшие...»

Немец занимал укрепленную позицию по насыпи железной дороги. Он имел все виды оружия, и боеприпасов было у него достаточно. А мы утром пошли в наступление с неполным составом полка, с пулевым оружием и недостатком боеприпасов. Поэтому успеха не добились и понесли большие потери. Командование отошло назад от переднего края обороны и организовало там командный пункт. Нас оставили на переднем крае, как пехоту...»

О боевых буднях отцов-командиров в это же время докладывал начальник Особого отдела Волховского фронта майор Мельников:

«...5 февраля во время наступления дивизии на командный пункт выехал начальник штаба и комиссар дивизии. Дорофеев же (командир 378-й стрелковой дивизии. – В.Б.) вызвал к себе в блиндаж девушку военфельдшера и пропьянствовал с ней четверо суток. Свой невыезд на командный пункт мотивировал болезнью.

Комначсостав в беседах между собой говорит: «...Ну, как там наше пьяное начальство, что решило?..» В момент выполнения боевой задачи частями дивизии по овладению д. Остров Дорофеев, Корнышев и начальник штаба Аксельрод на протяжении трех суток пьянствовали, не выходя из блиндажей...

...Командование 59-й армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378-я стрелковые дивизии активных действий не ведут и фактически занимают оборону, в оперативных сводках штаба действия этих дивизий отмечаются «активным сковыванием противника» и «ведением боевой разведки». Бездеятельность этих дивизий в оперсводках также называется «отражением контратак противника», не стыдясь сообщать, что дивизии отбивают контратаку одного взвода противника...»

В результате руководивший операцией на расстоянии сотни километров из Малой Вишеры в окружении жены, сына и пристроенных родственников командующий Волховским фронтом генерал Мерецков загнал 2-ю ударную армию в немецкий мешок. Советские потери в Любанской операции составили по неполному счету 308 367 человек убитыми, пленными и ранеными – 95% введенных в сражение войск. Еще 95 000 было потеряно при попытках вызвать погибающую армию.

Маршал Мерецков считает, что это нормально и даже укоряет себя за то, что из душевной тонкости уложил недостаточно своих солдат: «Для спасения миллионов бросаем в бой десятки тысяч людей, зная при этом, что многие тысячи погибнут. Такова военная логика. Я всегда сильно переживал любые потери. Вынужден сказать об этом, даже если кто-либо и расценит это как присущую мне слабость».

Потери только при проведении трех операций по деблокаде Ленинграда под руководством Жукова, Хозина, Говорова, Ворошилова и комплексующего Мерецкова составили около 600 000 бойцов и командиров, более трети из них были убиты, «истлели без вести пропавшие» или оказались в плену – все из-за присущей нашим полководцам слабости «переживать любые потери». При нулевом военном результате.

Все это время в Ленинграде погибало от голода и обстрелов 3000 – 4000 человек ежедневно.

В ноябре 1942 года началась разработка третьей Синявинской операции. Замысел ее был прост, как апельсин: встречными ударами Ленинградского и Волховского фронтов по кратчайшему пути ликвидировать ладожский плацдарм противника и «обеспечить коммуникации Ленинградского фронта».

Для участия в операции были выделены три армии Волховского и Ленинградского фронтов. В их состав входили 21 стрелковая дивизия, 14 стрелковых и 7 танковых бригад – 302 800 человек. Главные удары наносили 67-я и 2-я ударная армии при поддержке 4000 орудий и минометов, 520 танков и 900 самолетов 13-й и 14-й воздушных армий и Балтийского флота. Привлекались также авиация дальнего действия, береговая и корабельная артиллерия.

Координацию действий двух армий, получивших кодовое название операция «Искра», осуществляли представители Ставки маршал К.Е. Ворошилов и генерал армии Г.К. Жуков.

Этим силам противостояли 4 пехотные дивизии 26-го армейского корпуса 18-й армии генерала Линдемана, около 700 орудий и минометов, до 500 штурмовых орудий. До четырех дивизий командование армии могло перебросить из оперативного резерва. За прошедшее время противник времени даром не терял и превратил выступ в мощный полевой укрепленный район с разветвленной системой инженерных сооружений.

Утром 12 января 1943 года ударные группировки фронтов перешли в наступление и, преодолев за шесть суток непрерывных боев по 6 – 8 км, соединились в районе Поселка № 5. Затем еще почти две недели советские войска пытались безуспешно продвинуться на юг, в сторону Мги, но, потеряв около 120 000 человек убитыми и ранеными – почти половину первоначального состава, – перешли к обороне на подступах к Синявинским высотам.

В итоге между Волховским и Ленинградским фронтом по берегу Ладожского озера был пробит сухопутный коридор шириной от 8 до 11 км. Очистить от противника Кировскую магистраль не удалось.

Основные причины невыполнения поставленной задачи оставались все те же: «Командиры частей и соединений не заботились о том, чтобы до начала наступления были полностью вскрыты характер обороны противника, ее сильные и слабые места, выявлены группировки, боевой состав и боеспособность противника (*шестнадцати месяцев не хватило, чтобы разведать пятачок 13 на 15 км!*) ... В результате командиры подразделений и частей лишали себя возможности принять соответствующее обстановке решение. Недостатки в ведении разведки приводили к тому, что войска постоянно наталкивались на всякого рода неожиданности... вывод войск в район исходного положения совершался неорганизованно, нарушалась маскировка. Эти недостатки приводили к тому, что войска еще на исходном положении несли значительные потери и теряли необходимую силу удара до начала атаки... Некоторые командиры в начале боя выпускали из своих рук управление боем, переставали следить за обстановкой и ее изменениями и не отдавали войскам никаких распоряжений (*как, например, болеющий в постели с военфельдшером комдив Дорофеев*)... Это приводило к тому, что войска действовали самостоятельно, управление боем нарушалось, что, естественно, кроме потерь и неудач, ничего существенного дать не могло. Вопросы взаимодействия отрабатывались лишь на начальный период боя, при этом наспех, поверхностно. В результате в ходе боя часто взаимодействие между родами войск нарушалось... Командиры и штабы не имели хороших навыков управления войсками в наступлении и организации наступательного боя».

По приказу ГКО за 18 дней через торфяные болота была построена временная 35-километровая железнодорожная линия от Полян к Шлиссельбургу, названная Дорогой Победы, и низководный мост через Неву. Уже 8 февраля на Финляндском вокзале ленинградцы встречали первый поезд с продовольствием с Большой земли. Однако узкий коридор насквозь простреливался немецкой артиллерией и не обеспечивал регулярного снабжения города-крепости: «Составы приходилось водить под бомбежкой и артогнем. Осколки настигали и машинистов, и кочегаров, и кондукторов. Ремонт путей зачастую делался подручными средствами на живую нитку... С наступлением лета составы, вопреки всем существующим правилам и представлениям, двигались по ступицу в воде. И все-таки дорога работала...» Основные грузопотоки по-прежнему шли по Дороге жизни через Ладожское озеро. К тому же существовала угроза, что немцы сумеют восстановить положение.

Но символическое значение прорыв ленинградской блокады имел большое. Битва за Поселок № 5 попала в разряд стратегических операций Красной Армии. Странно, но и командовавший Волховским фронтом Мерецков, и его заместитель Федюнинский, и начальник инженерной службы Хренов, и другие мемуаристы, описывая подготовку и ход операции, вспомнили о встречах и консультациях с Говоровым и Ворошиловым, но ни слова не сказали о координировавшем их действия Жукове. Да и сам Жуков ничего по этому поводу не вспомнил, хотя именно за операцию «Искра» 18 января удостоился звания Маршала Советского Союза.

Летом 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов пытались расширить коридор, нанеся два сильных удара по сходящимся направлениям на Мгу, но не продвинулись ни на шаг. Поскольку станцию взять не удалось, было заявлено, что к этому и не стремились. Дойдя до полного маразма, коллектив авторов под редакцией маршала Н.В. Огаркова утверждает, что «главным считался не захват территории, а нанесение противнику максимальных

потерь (!)». Только советская военная наука может додуматься, что в течение месяца нужно бросать пехоту на глубоко-эшелонированную, грамотно организованную, насыщенную огневыми точками оборону ради того, чтобы убить несколько сот немцев. Войска двух советских армий с 22 июля по 22 августа, не захватив «территорий», потеряли 80 тысяч человек убитыми и ранеными. Зато «главная цель операции была достигнута (!)... противник понес тяжелые потери в живой силе и технике, особенно от огня артиллерии и ударов авиации (?)». Зачем же пехоту было гробить в массированных, сводящих с ума немецких пулеметчиков атаках?

Но впечатление на противника действительно произвели неизгладимое: «Дважды принятая атака будет повторена в третий и четвертый раз, невзирая на понесенные потери, причем и третья и четвертая атаки будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием... Местность перед фронтом обороняющихся в мгновение ока вдруг заполнялась русскими. Они появлялись словно из-под земли, и, казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись; одна за другой катились волны пехоты, и лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад... Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько от того, выдержат ли нервы. Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого».

ЛЕНИНГРАДСКО-НОВГОРОДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В начале 1944 года Ленинградский фронт в составе 23-й, 2-й ударной, 42-й, 67-й общевойсковых и 13-й воздушной армий, под командованием генерала армии Л.А. Говорова, занимал оборону протяженностью 256 км. 23-я армия генерал-лейтенанта А.И. Черепанова находилась на Карельском перешейке. 2-я ударная занимала позиции в районе Ораниенбаума на плацдарме протяженностью до 50 км по фронту и 25 км в глубину. 42-я и 67-я армии – в полосе севернее Урицка, Гонтовой Липки, защищая южные и юго-восточные подступы к Ленинграду. В оперативном подчинении фронта находились Балтийский флот и Ленинградская армия ПВО.

Волховский фронт – 8-я, 54-я, 59-я общевойсковые, 14-я воздушная армии – под командованием генерала армии К.А. Мерецкова оборонял 232-километровую полосу от Гонтовой Липки до озера Ильмень, удерживая на западном берегу Волхова, в 30 км севернее Новгорода, плацдарм шириной 35 км и глубиной 10 км.

2-й Прибалтийский фронт генерала армии М.М. Попова – 1-я ударная, 22-я, 6-я гвардейская, 3-я ударная, 10-я гвардейская общевойсковые и 15-я воздушная армии – действовал в 320-километровой полосе между озерами Ильмень и Нешедро.

Войска трех фронтов, глубоко охватывая фланги группы армий «Север», занимали выгодное по отношению к противнику положение.

Еще осенью 1943 года на северо-западном направлении в результате увеличения численности и более согласованных действий истребительной авиации фронтов, Ленинградской армии ПВО и средств ПВО Балтийского флота улучшилась воздушная обстановка. Советская авиация завоевала господство в воздухе, что привело к резкому снижению интенсивности налетов противника на войска и непосредственно на Ленинград. В ночь на 17 октября на город упала последняя бомба.

Улучшилось положение осажденных. Прорыв блокады, прокладка по дну Ладожского озера топливного трубопровода и силового кабеля, восстановление сухопутной связи со страной благотворно сказались на жизни и боевой деятельности защитников. Рост поставок продовольствия и сокращение численности населения до 800 000 человек позволили увеличить хлебную пайку до 400 – 600 грамм.

В городе возобновилось производство крупнокалиберной морской артиллерии. С третьего квартала начался массовый выпуск артиллерийских снарядов и мин для всех видов минометов. Развернулось строительство малых кораблей и катеров, в первую очередь крайне необходимых флоту тральщиков. Тем не менее Ленинград оставался прифронтовым городом.

Интересы обеспечения безопасности Ленинграда, а также политические и стратегические соображения, связанные с дальнейшим ведением войны, требовали полного снятия блокады и освобождения Ленинградской области. В этом и заключалась первоочередная задача войск северо-западного направления. Ее выполнение открывало путь в Прибалтику, облегчало освобождение Карелии, выход флота на просторы Балтики.

К тому времени положение группы армий «Север», войсками которой командовал генерал-фельдмаршал Георг фон Кюхлер, значительно ухудшилось. Германское командование не могло усилить ее ни за счет стратегических резервов, ни за счет переброски сил из других групп армий, так как они были скованы мощным наступлением советских войск на юго-западном и западном направлениях. На протяжении всего 1943 года для Гитлера группы армий «Север» словно не существовало. С июля 1943 по январь 1944 года Кюхлеру пришлось передать наиболее боеспособные моторизованную и две пехотные дивизии группе «Центр» и пять пехотных дивизий группе армий «Юг», из них две буквально за неделю до перехода советских войск

в наступление под Ленинградом. Чтобы как-то компенсировать изъятие войск с северо-западного направления, туда были переброшены три пехотные дивизии, имевшие большой некомплект в личном составе и боевой технике из группы армий «Центр», моторизованная и пехотная дивизии, пехотная бригада войск СС из Германии, моторизованная бригада из Югославии.

Верховное командование поставило войскам группы «Север» задачу прочно оборонять занимаемые позиции, продолжать блокаду Ленинграда. Стабилизация данного участка Восточного фронта позволяла надежно прикрыть подступы к Прибалтике и ее военно-морским базам, сохранить свободу действий германского флота в Балтийском море и обеспечивать морские коммуникации со Швецией и Финляндией.

Более двух лет немцы возводили оборонительные сооружения под Ленинградом и Новгородом. К началу 1944 года по дуге, упиравшейся своими флангами в Финский залив и озеро Ильмень, была создана мощная, хорошо оборудованная в инженерном отношении оборона. Основу ее составляли сильные узлы сопротивления и опорные пункты, имевшие круговую оборону, насыщенные артиллерийскими и пулеметными железобетонными, броневыми и деревоземляными огневыми точками. Они оборудовались во всех населенных пунктах, в важных узлах железных и шоссейных дорог, на господствующих высотах и имели развитую систему основных и отсечных позиций, прикрытых многослойным огнем. Широко применялись минно-взрывные и проволочные заграждения, противотанковые рвы, надолбы, эскарпы. На болотистых участках были устроены насыпные валы, а в лесах – завалы, минированные мощными фугасами.

Перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов были подготовлены две оборонительные полосы в тактической зоне и ряд промежуточных рубежей в оперативной глубине. Начиная с осени 1943 года германские войска усиленно вели работы по подготовке к обороне рек Оредеж, Луга, Плюсса, Шелонь, Нарва и Великая. Крупные населенные пункты: Стрельна, Красное Село, Пушкин, Красногвардейск, Тосно, Любань, Чудово, Луга, Кингисепп и другие – также были подготовлены для ведения оборонительных боев. Лесисто-болотистая местность, всхолмленная на западе, облегчала организацию обороны, маскировку войск, скрытное их сосредоточение на угрожаемых участках. На большинстве участков перед Ленинградским фронтом передний край противника проходил по гребням высот, а перед центром и левым крылом Волховского фронта – по западному берегу Волхова и прикрывался справа озером Ильмень.

Развитая сеть железных дорог и шоссейных коммуникаций обеспечивала бесперебойное снабжение войск и быстрый маневр резервами как из глубины, так и по фронту.

Между Финским заливом и Чудским озером по реке Нарва, по западному берегу Чудского озера и далее на участке Псков, Остров, Идрица и южнее по реке Великая возводился тыловой оборонительный рубеж «Пантера». Общая глубина обороны достигала 230 – 260 км, но основные силы и средства располагались в тактической зоне. Наиболее мощные укрепления были созданы южнее Пулковских высот, перед 42-й армией Ленинградского фронта, и севернее Новгорода, перед 59-й армией Волховского фронта.

На южном фланге, в полосе 2-го Прибалтийского фронта, сплошного фронта не было. Леса и многочисленные болота давали возможность защищаться малыми силами. Поэтому немецкая оборона здесь состояла из отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления.

Соответственно и войска группы армий «Север» были распределены неравномерно.

18-я армия генерала Георга Линдемана, оборонявшаяся севернее озера Ильмень, имела в своем составе 19 дивизий и 3 бригады. Все соединения, за исключением одной пехотной дивизии – резерва командующего армией, располагались в главной полосе обороны. На дивизию в среднем приходилось 20 км фронта. В составе армии имелись две артиллерийские группы специального назначения, которые систематически обстреливали Ленинград и Кронштадт.

Армии Линдемана противостояли шесть общевойсковых армий Ленинградского и Волховского фронтов – 52 стрелковые дивизии, 9 стрелковых, 8 танковых бригад, 5 укрепленных районов, части морской пехоты.

Действовавшая от озера Ильмень до Пскова перед войсками 2-го Прибалтийского фронта 16-я немецкая армия имела в своем составе 21 дивизию и 1 бригаду. В резерве командующего армией находилась одна дивизия. Оперативная плотность составляла 23 км на дивизию. У генерала Попова на этом же пространстве дислоцировались 41 дивизия и 9 бригад.

В резерве командующего группы армий «Север» находились три охранные и одна учебно-полевая дивизии, расположенные в Пскове, Острове, Выру и Тарту.

Учитывая благоприятно сложившуюся обстановку, Военный совет Ленинградского фронта 9 сентября 1943 года, сразу же после окончания Синявинской операции, направил в Ставку ВГК соображения о дальнейшем ведении боевых действий. В частности, намечалось разгромить 18-ю армию, как основу северного крыла Восточного фронта, и «не только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть всем лужским плацдармом с выходом на рубеж р. Луга от устья до г. Луга, как предпосылки дальнейших действий на Прибалтику». В соображениях Военного совета Волховского фронта, представленных в Ставку 14 сентября, предусматривался удар из района севернее Новгорода в направлении города Луга с целью расколоть группу «Север» на стыке ее армий, не допустить отхода главных сил 18-й армии на рубеж реки Луга и далее на линию Нарва, Порхов, а затем во взаимодействии с войсками Ленинградского и Северо-Западного фронтов окружить и уничтожить их.

Таким образом, в основе замысла лежала идея нанесения согласованных ударов с севера и юго-востока в общем направлении на Лугу с целью окружения и решительного разгрома армии 18-й германской армии.

Ставка ВГК утвердила с некоторыми изменениями оперативные планы фронтов, предупредив их командующих о возможном преднамеренном отходе врага из-под Ленинграда и необходимости в связи с этим готовиться не только к прорыву обороны, но и к преследованию противника.

Исходя из общего замысла зимне-весенней кампании, Ставка расширила задачи войск северо-западного направления и привлекла к наступлению не только Ленинградский и Волховский фронты, но и оба прибалтийских. Им предстояло разгромить всю группу армий «Север», полностью деблокировать Ленинград, очистить оккупированные районы Ленинградской и Калининской областей и создать необходимые условия для занятия Прибалтийских республик. Основные усилия сосредоточивались в полосах Ленинградского и Волховского фронтов, которые занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника севернее реки Луга. Удары этих фронтов в сочетании с мощным наступлением на Правобережной Украине должны были сковать силы противника на всем фронте, ограничить его возможности в маневре и привести к наиболее эффективному результату.

В конце ноября 1943 года на совещании в Кремле с участием командующих фронтов северо-западного направления был окончательно выработан замысел операции. Войска получили конкретные боевые задачи и указания по ее планированию и подготовке. Предусматривалось согласованными одновременными ударами Ленинградского и Волховского фронтов вначале разгромить 18-ю армию, а активными действиями 2-го Прибалтийского сковать основные силы 16-й армии и оперативные резервы группы армий «Север». В последующем войска трех взаимодействующих фронтов должны были наступлением на нарвском, псковском и идрицком направлениях разгромить 16-ю армию. К операции привлекались Балтийский флот, авиация дальнего действия, Ленинградская армия ПВО и партизанские соединения.

Советские источники с подозрительным единодушием вдалбливают, что 2-му Прибалтийскому фронту ставились задачи исключительно отвлекающего и сковывающего характера. Но это как раз тот случай, когда достигнутые результаты выдаются за желаемые. Ведь неспроста в тылу 1-й ударной армии сосредоточивался 8-й эстонский стрелковый корпус, в «обозах» которого находились члены ЦК Коммунистической партии и правительства Эстонии. А в тылу 22-й армии при активном участии товарищей из ЦК Компартии Латвии разворачивалась в стрелковый корпус 43-я латышская дивизия.

Командование Ленинградского фронта планировало нанести два встречных удара на Ропшу: с ораниенбаумского плацдарма силами 2-й ударной армии и из района южнее Ленинграда – 42-й армии, окружая немецкую группировку, состоявшую из 3-го корпуса СС и 50-го армейского корпуса, в районе Красное Село, Ропша, Стрельна. Соединившись, они должны были развивать наступление в двух направлениях: Кингисепп, Нарва и Красноармейск, Луга. 67-я армия получила задачу активными действиями сковать силы врага на мгинском направлении и одновременно готовить удар на Мгу, Ульяновку, Красноармейск, чтобы во взаимодействии с 8-й армией Волховского фронта окружить и уничтожить действовавшие там войска противника. 13-я воздушная армия, часть сил ВВС флота, авиация ПВО и дальнего действия должны были прикрывать и поддерживать наступление 2-й ударной и 42-й армий.

Командование Волховского фронта решило силами 59-й армии нанести два удара по сходящимся направлениям в обход Новгорода: главный – из района юго-восточнее Новгорода с плацдарма на западном берегу Волхова, где его и ждали немцы, а вспомогательный силами двух стрелковых дивизий и одной бригады – через озеро Ильмень в общем направлении на Любавляны с целью окружить и уничтожить новгородскую группировку. В последующем этой армии предстояло развивать наступление в западном и юго-западном направлениях, перерезать пути отхода войск 18-й армии на юг и юго-запад и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта завершить разгром ее главных сил. 8-й и 54-й армиям надлежало активными действиями воспрепятствовать переброске сил противнику из-под Тосно, Любани, Чудово на ленинградское и новгородское направления, в дальнейшем освободить участок Октябрьской железной дороги Тосно – Чудово и наступать в направлении на Любань, Луга. 14-я воздушная армия должна была главными силами поддерживать 59-ю армию.

Балтийский флот должен был обеспечить сосредоточение войск 2-й ударной армии на ораниенбаумском плацдарме, корабельной и береговой артиллерией помочь Ленинградскому фронту взломать вражескую оборону и сопровождать его войска до пределов дальности своего огня, морской авиацией поддержать наступление войск с плацдарма.

Авиации фронтов и дальнего действия надлежало наносить удары по железнодорожным объектам и аэродромам противника, его штабам и резервам, укреплениям на тыловых и промежуточных рубежах обеспечить прорыв вражеской обороны и развитие наступления войск в оперативной глубине. АДД выделяла 8 авиационных корпусов и 1 авиационную дивизию для предварительной авиационной подготовки наступления в интересах Ленинградского фронта и 4 авиационных корпуса для поддержки войск фронтов в ходе всей операции.

Перед армией войск ПВО стояла задача прикрыть с воздуха Ленинград, а также ударные группировки, базы и коммуникации Ленинградского фронта, блокировать аэродромный узел противника в районе Красногвардейска.

Ленинградские партизаны – 13 бригад общей численностью 35 тысяч человек – должны были вести разведку в интересах войск, содействовать захвату переправ, крупных населенных пунктов и железнодорожных узлов, усилить удары по коммуникациям противника, его штабам и узлам связи. Войскам Говорова и Мерецкова, долгое время находившимся в обороне, предстояло прорвать мощную, глубоко эшелонированную оборону и наступать на лесисто-болотистой местности, затруднявшей маневр войсками и массированное применение тяжелой тех-

ники. В этих условиях особое значение приобретала заблаговременная тщательная подготовка штабов и войск. За полтора-два месяца до наступления при штабах фронтов с руководящим составом объединений, соединений и частей проводились командно-штабные игры на темы, связанные с особенностями организации операции, боев и управления войсками в сложившейся обстановке.

В тыловых районах строились учебные городки, воспроизводившие оборону противника на участках будущих прорывов. Солдаты учились штурмовать долговременные огневые точки, преодолевать проволочные заграждения и минные поля. Командиры всех степеней отрабатывали на местности организацию взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией. В авиационных объединениях отрабатывались вопросы взаимодействия между родами авиации, а также со стрелковыми и танковыми соединениями. «Самая передовая» советская военная наука вернулась к опыту Суворова времен штурма Измаила.

Стрелковые подразделения обучались атаковать непосредственно за разрывами снарядов своей артиллерии. Плотность ее на участках прорыва достигала во 2-й ударной армии – 123, в 42-й – 138, в 59-й – 106 стволов калибра 76 мм и выше на километр фронта. Чтобы надежно подавить и уничтожить огневые точки, на переднем крае в 42-й армии для стрельбы прямой наводкой выделялось 492 орудия, а в 59-й – 221. Во фронтах и армиях создавались мощные артиллерийские группы.

Происходило «осапёривание» войск: по несколько человек в каждом взводе обучались резать проволочные заграждения, находить и обезвреживать мины, разграждать дороги, прокладывать гати, вытаскивать застрявшую технику. Только на Ленинградском фронте подобную подготовку прошли более 30 000 бойцов.

Большинство танковых частей передавалось общевойсковым армиям, наносившим главный удар, для использования их в качестве непосредственной поддержки пехоты и в армейских подвижных группах. За танками закреплялись десантные группы автоматчиков.

Армии пополнялись личным составом, оружием и техникой.

Одновременно войска перегруппировывались для создания ударных группировок. 2-я ударная армия была скрытно на кораблях перевезена из Ленинграда в район Ораниенбаума. Приморский плацдарм должен был сыграть важную роль. Если южнее города, с пулковского направления, немцы ожидали советское наступление, то удар с ораниенбаумского плацдарма должен был стать сюрпризом. С ноября по январь балтийские моряки доставили сюда в тяжелых погодных условиях 53 000 человек, 658 орудий, много танков, автомашин, свыше 700 вагонов боеприпасов и других грузов. Через Финский залив на виду у противника на плацдарм удалось переправить 5 стрелковых дивизий, 13 артиллерийских частей и соединений, 2 танковых и 1 самоходно-артиллерийский полк, 1 танковую бригаду. При этом немцы были введены в заблуждение: до последнего момента они полагали, что советское командование перебрасывает войска с плацдарма в город.

В общем, на этот раз готовились тщательно и грамотно. Два с половиной года безуспешной долбежки головой о стену и кровопускания дали свои плоды. Советские генералы что-то усвоили. Хотя и обошлась битва за Ленинград в полтора миллиона убитых, раненых и плененных солдат.

Данные по потерям взяты из статистического исследования под редакцией генерала Г.Ф. Кривошеина. Значит – официальные данные российского Генштаба. Сборник составлен «в первую очередь на донесениях фронтов, армий и других действующих группировок войск». Однако сами авторы признают, что «донесения об утратах людей и боевой техники зачастую не доходили до вышестоящих командиров и штабов, а порой и некому было доносить.... Иногда в число безвозвратных потерь приходилось включать весь списочный состав соединения или объединения...».

А как быть с теми, кто «в списках не значился»? В первые дни войны в приграничных округах под немецкой бомбежкой маршировали многочисленные колонны призывников. Кто-то убегал и оказывался уже в тылу противника, кто-то попадал непосредственно в воинские части и сразу бросался в бой. Кто их учитывал или хотя бы считал? Документы множества воинских частей и соединений погибли или были уничтожены в связи с угрозой захвата противником. В 1941 году Красная Армия потеряла разгромленными и уничтоженными 177 дивизий и 18 бригад.

Где и в каких листах учтены потери добровольческих дивизий 1941 года или истребительного батальона Сталинградского тракторного? Мобилизованных прямо на поле боя «призывников» Конева образца 1944 года?

Приказ НКО от 12 апреля 1942 года констатировал: *«Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины. Все это говорит за то, что со стороны армий и фронтов не установлено должного контроля за учетом и представлением указанных сведений».*

Главной причиной такого отношения было как раз то, что для наших полководцев это было не главное. Солдаты для них были не люди, а «живая сила», масса. Что ее считать? Да и некогда было генералам ерундой заниматься, они о спасении Родины день и ночь думали. К тому же неучтенные потери не портили «показатели».

Семьям пропавших без вести солдат десятилетиями рассказывали про «трудности». Сначала вести персональный учет потерь мешало «стремительное продвижение немецко-фашистских войск в глубь советской территории и окружение ими целого ряда наших оперативных объединений». Позже, «в условиях высоких темпов наступления наших войск, сопровождавшегося порой значительными потерями личного состава, организация учета и захоронения погибших крайне осложнялась». Одним словом, неважно, наступали мы стремительно или стремительно драпали: считать и хоронить павших все равно было некогда.

К примеру, в записке на имя начальника Генштаба от 24 июня 1942 года сообщалось:

«В подразделениях и частях 18-й отд. Стрелковой бригады 43-й армии книги установленной формы для учета личного состава отсутствуют. Учет личного состава в подразделениях и частях бригады не ведется».

В штабе 686-го артполка 415-й стрелковой дивизии списков личного состава по установленным формам не имеется. Прибывшее пополнение в списки не занесено. Большая часть красноармейского состава не имеет красноармейских книжек, а выданные на руки бойцам не учтены».

В воинских частях потери личного состава точно не установлены, а извещения семьям о погибших в боях не высылаются. Зачастую без всякой проверки некоторые бойцы зачисляются в списки дезертиров, убитых и пропавших без вести».

Армией командовал генерал К.Д. Голубев, страна должна знать своих «героев».

Лишь 4 февраля 1944 года было введено «Наставление по учету личного состава (в военное время)», которое, в частности, впервые в советской истории предписывало устанавливать на захоронениях военнослужащих памятники и даже «с указаниями воинских званий, фамилий, имен и отчеств погибших, а также даты их гибели». Однако и год спустя в приказе наркома обороны отмечалось, что «военные советы фронтов, армий и округов не уделяют должного внимания этому важному вопросу». Только в Белоруссии, где «братски» захоронено более миллиона солдат и офицеров, фамилии на памятнике удостоился один из пяти. За два первых послевоенных года Управление по учету потерь сержантского и рядового состава оформило около двух миллионов извещений о погибших и пропавших без вести солдатах и офицерах **на**

основе переписки с родственниками, воинскими частями и госпиталями. Но ведь и сегодня, шестьдесят лет спустя, останки солдат той войны находят десятками и сотнями.

По этой причине большинство исследователей, не приписанных к официальным ведомствам, обоснованно считают, что приведенные цифры потерь нужно умножать на коэффициент 1,5 – 2.

Командование 2-го Прибалтийского фронта предусматривало вначале разгромить вражескую группировку севернее Невеля, а затем наступлением войск левого крыла на Идрицу и севернее Новосокольников перерезать рокадные дороги, ведущие из этих пунктов на север и юг, сковать главные силы 16-й армии и не допустить переброски ее соединений под Ленинград и Новгород. В последующем предполагалось развернуть наступление в направлениях Опочки и Себежа.

Однако здесь подготовка к наступлению проводилась поспешно и носила все признаки, по-сталински выражаясь, «огульного наступления». Немногочисленного врага предполагалось просто задавить количеством.

Буквально накануне, 8 января, закончилась фронтовая операция силами 3-й ударной и 6-й гвардейской армий по ликвидации «невельской бутылки» и преследованию противника на новосокольническом направлении. Войска понесли потери и крепко завязли в лесисто-болотистой и озерной местности на юго-востоке Псковской области. Тем не менее перед 3-й ударной была поставлена задача прорваться через Пустошку к Опочке; готовность к новому наступлению устанавливалась на 9 января. Левее выдвигалась переданная из состава Западного фронта 10-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта А.В. Сухомлина. Ей предстояло прорвать оборону противника в межозерном дефиле Неведро – Гусино, а затем наступать на Зилупе, обходя Идрицу с юга и юго-запада. Поскольку армия еще находилась на марше, ее предполагалось вводить в действие по частям, по мере подхода дивизий. Таким образом, войска генерала Сухомлина должны были наносить удар на незнакомой местности, без знания обстановки, системы обороны противника, не отработав систему взаимодействия стрелковых и артиллерийских частей – все в «лучших традициях» 1941 – 1942 годов. 22-я армия генерал-лейтенанта В.А. Юшкевича по плану, обходя Новосокольники с севера, выходила к Насве, Мамаево. На правом крыле фронта предполагалось начать отвлекающие действия на сутки раньше главного удара.

Немецкая разведка четко отслеживала, а германское командование с достаточной степенью достоверности прогнозировало намерения противника. Оценивая положение в полосе группы армий «Север», в начале декабря 1943 года оно отмечало, что «давно обнаруженные приготовления к наступлению Волховского и Ленинградского фронтов, по-видимому, планомерно продолжаются... **В качестве предполагаемых районов наступления в настоящее время наиболее ясно выделяются новгород-волховский плацдарм и районы южнее Ленинграда, Ораниенбаума**». Предполагалось, что советские войска будут стремиться как можно раньше преградить 18-й армии путь отхода в прибалтийские районы, овладеть городами Луга, Псков, Красногвардейск (Гатчина), Нарва. Поэтому немцы уделяли особое внимание совершенствованию оборонительных рубежей именно на направлениях предполагаемых главных ударов советских войск.

В связи с этим несколько нелепо выглядит заявление маршала К.А. Мерецкова: «Теперь не враг, а мы диктовали свою волю: наступали там, где хотелось нам; точно определяли сроки и масштабы сражений». Сколько за войну определялось этих «сроков» и устанавливалось «масштабов»? А пока красноармейцам вновь, в который раз, предстояло прогрызть глубокоэшелонированную оборону, уповая на свое численное превосходство.

Войска трех фронтов, выделенные для проведения операции, насчитывали 1 252 000 человек, 20 183 орудия и миномета, 1580 танков и САУ, 1386 боевых самолетов.

Фельдмаршал Кюхлер мог им противопоставить 741 000 человек, 10 070 орудий и минометов, 385 танков и штурмовых орудий, 370 самолетов.

Против 18-й армии действовали 716 000 советских солдат и офицеров, 12 165 орудий и минометов (без учета зенитной и реактивной артиллерии), 1132 танка и самоходки. Генерал Линдеман имел до 4500 орудий и минометов, до 200 танков и штурмовых орудий, около 168 000 человек. Правоверный нацист, он явно недооценивал мощь предполагаемого советского наступления и переоценил способность своих дивизий, пять из которых были полевыми дивизиями Люфтваффе, малопригодными для боевых действий. Таким образом, войска Говорова и Мерецкова превосходили противника по численности личного состава и артиллерии втрое, а по танкам в шесть раз.

Достаточно четко представляя назревающую ситуацию, фон Кюхлер обратился к Гитлеру с просьбой разрешить снять блокаду Ленинграда и отступить на запад к линии «Пантера» до того, как советское командование предпримет против 18-й армии очередную массированную атаку. Такая передислокация могла бы сократить протяженность оборонительных рубежей на 200 км. Но, когда фюрер вызвал к себе Линдемана, последний уверенно заявил, что его армия в состоянии выдержать любой удар русских. Гитлер, услышавший именно то, что хотел, поверил генералу и отказался выполнить просьбу фельдмаршала. Его армиям оставалось только стоять насмерть и надеяться на прочность Северного вала.

Выдвижение советских войск в исходные районы для наступления осуществлялось в течение трех-четырех ночей до начала операции с соблюдением строгих мер маскировки.

Первыми выступили войска 2-го Прибалтийского фронта. 11 января начались частные наступательные операции его правого крыла. На другой день после тридцатиминутной артподготовки перешли в наступление армии левого крыла – главные силы фронта. 12 января соединения 3-й ударной армии генерал-полковника Н.Е. Чибисова и 10-й гвардейской атаковали противника юго-западнее Новосокольников, через двое суток армия генерала В.А. Юшкевича нанесла удар севернее города. В этот же день на правом фланге 1-я ударная армия начала наступление южнее Старой Руссы.

14 января в наступление перешли войска генерала Говорова – 30 стрелковых дивизий, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, 3 укрепленных района, насчитывавших 417 000 человек. Со стороны противника перед Ленинградским фронтом действовали 8 пехотных, 2 авиаполевые, 1 моторизованная дивизия и 1 моторизованная бригада.

Несмотря на сложные метеорологические условия, в ночь перед наступлением в воздух поднялись бомбардировщики АДД. 109 самолетов нанесли бомбовый удар по вражеским войскам и дальнобойной артиллерии в районе поселка Беззаботный, к северу от Красного Села. Утром заговорила советская артиллерия.

Атака частей 2-й ударной армии генерала И.И. Федюнинского началась в 10.40 при поддержке морской авиации, огня кронштадтских фортов и кораблей флота. Главный удар в 10-километровой полосе под звуки духового оркестра наносили шесть стрелковых дивизий, усиленные танками сопровождения. Командование 3-го корпуса СС, оборонявшегося в полосе наступления армии, преодолев замешательство, сумело наладить управление войсками и организовать сопротивление. Корпусом в составе 11-й панцергренадерской дивизии «Нордланд», пехотной дивизии СС и почти бесполезных 9-й и 10-й авиаполевых дивизий командовал Феликс Штейнер. Из неподдавленных огневых точек немцы обрушили на атакующих шквал огня, предприняли несколько контратак силами подошедших резервов. Завязались ожесточенные бои за каждый метр. За один день 15 января войска Федюнинского отразили до 30 контр-

атак. Лишь на третьи сутки, введя в бой армейский танковый резерв и части второго эшелона, при поддержке авиации советским войскам удалось завершить прорыв главной полосы обороны и расширить его до 23 км по фронту. Овладев ключевыми узлами дорог в районе Гостилицы, Дятлицы, стрелковые соединения первого эшелона пробились на глубину 8 – 10 км и устремились к Ропше.

Наступление 42-й армии генерала И.И. Масленникова началось 15 января. Но так как главная полоса обороны противника была насыщена множеством долговременных сооружений, для разрушения которых требовались большие усилия, тяжелая артиллерия открыла огонь по ним на сутки раньше. В день наступления с 9.20 до 11 часов была проведена артиллерийская подготовка. За это время по немецким позициям было выпущено более 220 тысяч снарядов и мин. Расчищая путь атакующим войскам, штурмовики 13-й воздушной армии генерала С.Д. Рыбальченко непрерывно наносили удары по противнику в тактической зоне, бомбардировочная авиация – по войскам в глубине обороны. Истребители прикрывали их действия и наступление сухопутных войск.

Немцы, опираясь на мощный оборонительный рубеж, оказали яростное сопротивление. В первый день войска генерала Масленникова продвинулись на 1,5 – 4,5 км. Только к исходу 17 января после ввода в сражение подвижной группы в составе двух усиленных танковых бригад они прорвали главную полосу обороны 50-го армейского корпуса, продвинулись до 10 км и вклинились во вторую полосу. Появилась возможность развивать наступление в направлении Ропши.

В этот день немецкое командование, предвидя окружение своих войск, действовавших в районах Красного Села, Ропши и Урицка, начало их отвод в южном направлении. При отходе противник оказывал упорное сопротивление. Не считаясь с потерями, он с ходу бросал в бой резервы, массировал удары артиллерии и авиации на местах прорыва советских войск, стремился непременно задержать их наступление. Израсходовав за первые два дня боев не только тактические, но и свой оперативный резерв – 61-ю пехотную дивизию, Линдеман перебросил в полосу наступления 42-й армии из-под Мги, Чудова и других участков фронта три пехотные дивизии и строительные части.

Следовало как можно скорее сломить сопротивление противника и не дать ему возможности выскользнуть из уже наметившегося котла. С этой целью в сражение были введены вторые эшелоны и подвижная группа армии, включавшая две усиленные танковые бригады. Особо ожесточенные бои разгорелись на подступах к Красному Селу за сильный узел сопротивления Воронью гору.

Наконец, утром 19 января 42-я армия овладела Красным Селом, а 2-я ударная – Ропшей. Подвижные группы обеих армий устремились навстречу друг другу и к исходу дня соединились в районе Русско-Высокое, замкнув кольцо вокруг красносельско-ропшинской группировки. Однако плотного фронта окружения создать не удалось. Всю ночь 20 января немцы мелкими группами просачивались в южном направлении. Остатки группировки были уничтожены на следующий день.

В итоге войска 2-й ударной и 42-й армий продвинулись на глубину более 25 км и образовали общий фронт наступления. Это позволило улучшить управление войсками и их снабжение, расширились возможности маневра силами и средствами, создались условия для развития наступления на кингисеппском и лужском направлениях. 9-я и 10-я авиаполевые дивизии были полностью разгромлены, еще пять понесли тяжелые потери. Противник, по советским данным, потерял 21 тысячу человек убитыми и пленными. Среди трофеев оказались 85 тяжелых орудий (калибра от 150 до 400 мм), которые вели обстрел Ленинграда.

Не менее напряженно развивались события под Новгородом.

Здесь войскам Волховского фронта – 22 стрелковые дивизии, 6 стрелковых, 4 танковых бригады, 2 укрепрайона, всего 260 000 человек – противостояли 3 авиаполевые, 6 пехотных дивизий и 2 пехотные бригады из состава 18-й армии. 79 расчетных батальонов располагались за несколькими рубежами глубоко рассредоточенной обороны и опирались на ряд мощных узлов сопротивления, среди которых особенно выделялись Мга, Тосно, Любань, Чудово, Новгород. Наибольшая плотность обороны была на новгородском и чудовском направлениях. За передним краем главной оборонительной полосы, протянувшейся вдоль шоссе Новгород – Чудово, шла вторая полоса, по реке Кресть, а между ними разместились отсечные рубежи, запиравшие выходы из лесисто-болотистых дефиле. Непосредственные подходы к Новгороду с востока прикрывали три линии укреплений. Глубина главной оборонительной полосы составляла шесть километров. Внутренний пояс укреплений проходил по древнему городскому валу, причем использовались каменные здания, приспособленные к длительному сопротивлению.

Замысел предстоящей операции заключался в нанесении силами 59-й армии двух ударов: главного – с плацдарма на реке Волхов и вспомогательного силами двух стрелковых дивизий и одной бригады – из района юго-восточнее Новгорода через озеро Ильмень по сходящимся направлениям на Люболяды с целью окружить и уничтожить наиболее сильную новгородскую группировку противника и освободить Новгород. В последующем, развивая наступление в западном и юго-западном направлениях, 59-я армия должна была овладеть городом Луга, отрезать пути отхода немецким войскам в сторону Пскова и во взаимодействии с другими армиями Волховского и Ленинградского фронтов завершить разгром главных сил 18-й армии. Войска 8-й и 54-й армий должны были сковать противостоящие им силы противника и не допустить переброски их к Новгороду, а затем перейти в наступление в общем направлении на Лугу.

«Точно определяя сроки и масштабы», рассчитывали в первые шесть дней освободить Новгород и его окрестности, на десятые сутки – дойти до восточного изгиба реки Луга, еще через десять дней – развернуть главные силы на юго-запад и, преследуя противника в направлении Псков и Остров, на его плечах ворваться в Прибалтику. При этом одну армию собирались перебросить по Чудскому озеру для удара на Тарту.

Для нанесения мощного таранного удара Мерецков сосредоточил на левом фланге более половины сил Волховского фронта. В состав 59-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова вошли 9 стрелковых дивизий, 1 стрелковая бригада, 150-й укрепленный район и средства усиления. Оперативная плотность достигала не более 4 км на дивизию, артиллерии имелось маловато, всего 100 стволов на километр фронта. Позади разместился резерв – 7-й стрелковый корпус и отдельная танковая бригада.

В результате в полосе 59-й армии было достигнуто превосходство над противником в пехоте – в 3,3, артиллерии – в 3,5 и танках – в 11 раз. Советская авиация господствовала в воздухе.

У немцев в обороне сидели части 38-го стрелкового корпуса, имевшие 18 орудий и минометов на километр. На западном берегу Ильменя позиции занимали отдельные подразделения «литовских и эстонских фашистов».

Наступление войск 59-й армии началось 14 января. Из-за плохой погоды авиация 14-й воздушной армии подняться в воздух не смогла. Снегопад и метель затрудняли прицельный огонь артиллерии, проводившей 110-минутную артподготовку. Большая часть опорных пунктов и артиллерийских батарей противника остались неподавленными. Танки застряли в болоте: внезапная оттепель, необычная для января, превратила поросшие кустами кочковатые ледяные поля в грязное месиво. Немцы оказали упорное сопротивление, атакующие части были встречены сильным огнем. Главные силы 59-й армии, наступавшие с плацдарма, в первый день вклинились в оборону немецких войск лишь на 600 – 1000 м.

Более успешно в этот день развивалось наступление на вспомогательном направлении южнее Новгорода, где части 58-й отдельной стрелковой бригады, усиленные двумя аэросанными батальонами, под командованием генерал-майора Т.А. Свиклина в ночь на 14 января переправились по неокрепшему льду через озеро Ильмень и внезапной ночной атакой овладели рядом опорных пунктов противника. К исходу дня они расширили захваченный плацдарм до 6 км по фронту и до 4 км в глубину.

15 января для развития успеха на вспомогательном направлении генерал Коровников ввел в сражение стрелковую дивизию и батальон броневых автомобилей. За счет свежих соединений наращивалась сила удара и на главном направлении. Здесь в бой были брошены еще одна стрелковая дивизия, две танковые бригады и самоходно-артиллерийский полк. К исходу 16 января войска армии прорвали главную полосу вражеской обороны севернее Новгорода и перехватили дорогу Чудово – Новгород, а южнее города отрезали дорогу Новгород – Шимск. За три дня упорных боев на направлении главного удара прорыв был расширен до 20 км по фронту и до 8 км в глубину. Над новгородской группировкой германских войск нависла угроза окружения.

В этот день на любанском направлении перешли в наступление войска 54-й армии генерал-лейтенанта С.В. Рогинского, которые затруднили противнику начатую им переброску сил из районов Мги и Чудово к месту прорыва.

Маневрируя силами, фельдмаршал Кюхлер подтянул к месту прорыва соединения с других участков фронта. Севернее и южнее Новгорода появились части 24, 21, 290, 8-й пехотных дивизий, отдельные кавалерийские и строительные подразделения. Противник непрерывно контратаковал, стремясь не допустить соединения северной и южной групп 59-й армии.

Наступление развивалось медленно и тяжело. Лесисто-болотистая местность, бездорожье, начавшаяся оттепель и возросшее сопротивление врага требовали предельного напряжения моральных и физических сил. Солдаты на себе тащили орудия, минометы, боеприпасы. Основная тяжесть боев легла на плечи пехотинцев. Артиллерия и танки часто отставали, авиации 14-й воздушной армии из-за плохой погоды пришлось ограничить боевую деятельность.

18 января в сражение был введен второй эшелон 59-й армии, имевший задачу наступать от Подберезья на запад и во взаимодействии с армией генерала Рогинского разгромить любанско-чудовскую группировку противника.

В тяжелых боях войска Коровникова сломили сопротивление врага, перерезали все шоссейные и железные дороги, идущие от Новгорода, и утром 20 января овладели городом. В это же время северная и южная группы войск соединились в районе Горынева, завершив окружение не успевших отойти разрозненных частей новгородской группировки противника и совместно с 7-м стрелковым корпусом, введенным в бой из фронтового резерва, уничтожили их. Немецкие войска оставили на поле боя до 15 тысяч убитыми, 3200 солдат и офицеров были взяты в плен.

19 января Москва салютовала войскам Ленинградского фронта, 20-го – Волховского.

Разгром фланговых группировок 18-й армии и явная угроза окружения ее соединений в центре оперативного построения вынудило Кюхлера отдать приказ об отходе армии из района Мга, Тосно. В ночь на 21 января, прикрываясь сильными арьергардами и инженерными заграждениями, немцы начали отступление. 67-я армия генерал-лейтенанта В.П. Свиридова и 8-я армия генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова, действовавшие на стыке фронтов, немедленно начали преследование.

На этом закончилась первая фаза операции.

Действия 2-го Прибалтийского фронта, несомненно, способствовали успешному выполнению ближайших задач войсками Ленинградского и Волховского фронтов, однако из собственных задач армии Попова не выполнили ни одной.

Так, 10-я гвардейская за шесть суток непрерывных боев продвинулась всего на 6 – 8 км. В состав армии входили 9 стрелковых дивизий, 27-я артиллерийская дивизия, 27-я гвардейская минометная бригада, три отдельных танковых и два артиллерийских полка. С немецкой стороны на участке прорыва оборонялся один полк 132-й пехотной дивизии и два отдельных штрафных батальона, поддерживаемых семью артиллерийскими батареями. Относительно небольшая плотность германских войск компенсировалась выгодными условиями обороны и бестолковостью организации у наступающей стороны (правда, историографы 10-й гвардейской жалуются также на недостаток артиллерии!). Генерал армии М.И. Казаков вспоминал:

«В полосе наступления у гитлеровцев не существовало сплошного фронта. Оборона состояла из отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Войска же прорывали ее как сплошной рубеж. Поэтому уже при артподготовке большое количество снарядов пришлось по пустому месту. Затем пехота атаковала никем не занятые промежутки и попадала под фланговый огонь вражеских опорных пунктов».

Армия вводилась в бой поэшелонно на незнакомой местности, причем второй эшелон – ночью, части и подразделения сбивались с заданных направлений, теряли связь со штабами и соседями. Взаимодействие с артиллерией отсутствовало, от танков в болотах проку было немного. К тому же начавшаяся оттепель окончательно испортила дороги, ослабила ледяной покров многочисленных болот и озер, еще более затруднив маневр. А пехота – в валенках. Стоило немцам 16 января дополнительно подтянуть к этому участку 263-ю пехотную дивизию, и наступление гвардейцев окончательно выдохлось.

Не лучше дела шли и в 3-й ударной – 5 стрелковых дивизий, 3 стрелковые, 1 танковая бригада, – продвигавшейся со скоростью 2 – 3 км в сутки.

Девять дней не стихали бои в районе Новосокольников. Две армии – 6-я гвардейская, 22-я общевойсковая – безуспешно бились о несокрушимую оборону 43-го армейского корпуса.

В итоге на южном фланге фронт Попова не достиг территориальных успехов. В центре удалось овладеть станцией Насва, перерезав рокадную дорогу Новосокольники – Дно. На северном крыле 1-я ударная армия не продвинулась ни на шаг. Тем не менее активность 2-го Прибалтийского фронта вынудила командование группы армий «Север» ввести в бой три дивизии из своего резерва, а также позволила сковать основные силы 16-й германской армии. Идрица и Новосокольники оставались неприступными.

20 января Сталин, выразив Попову свое недовольство действиями фронта, рекомендовал сместить генерала Сухомлина, разрешил прекратить зашедшее в тупик наступление на идрицком направлении и произвести перегруппировку сил. На этот раз командующий 2-м Прибалтийским фронтом решил сконцентрировать усилия 22-й и 10-й гвардейской армий в одном районе – Насва, Новосокольники. В связи с этим 10-й гвардейской предстояло переместиться на 50 – 70 км на север и занять позиции правее 6-й гвардейской армии. Для маскировки передвижения соединений с фланга к центру фронта дивизии первого эшелона армии оставили на месте и включили их в состав 3-й ударной. Вместо них в 10-ю гвардейскую передали гвардейские дивизии из других армий. Теперь силами трех армий планировалось разгромить новосокольническую группировку противника и, обойдя с севера Пустошку и Идрицу, развивать наступление на Опочку. Начать намечали 30 января.

22 января Ставка Верховного Главнокомандования утвердила соображения на дальнейшее ведение операции Военного совета Ленинградского фронта. Учитывая начавшийся отход войск противника с мгинского участка и переброску части их в район Красногвардейска и Волосова, командование фронта решило захватить в первую очередь Красногвардейск, освободить участок Октябрьской железной дороги до Тосно, отрезать пути отхода любанско-тосненской группировке противника и уничтожить ее во взаимодействии с войсками Волховского

фронта; после этого главный удар развивать в юго-западном направлении на Кингисепп, Нарву, а вспомогательный – на Сиверский, охватывая левый фланг 18-й армии и лишая его выхода на нарвское направление.

Войска 2-й ударной армии, развивая наступление на кингисеппском направлении, 27 января ночным штурмом овладели станцией Волосово на железной дороге Кингисепп – Красногвардейск. Наиболее трудная задача стояла перед 42-й и 67-й армиями. На их пути находились такие мощные узлы сопротивления, как города Пушкин, Слуцк (Павловск), Красногвардейск, Мга и другие. Совершив глубокий обход Пушкина и Слуцка, соединения генерала Масленникова утром 24 января одновременной атакой с фронта и тыла освободили эти города.

Упорные бои разгорелись за Красногвардейск. В ночь на 26 января начался штурм города. Выбивая противника из подвалов и чердаков каменных домов, бойцы освобождали квартал за кварталом. К утру город был взят.

Главной целью для Волховского фронта становился город Луга – важный узел коммуникаций в тылу 18-й армии. Ставка требовала войсками левого крыла не позднее 29 – 30 января освободить город, выйти на рубеж Луга – Сольцы и во взаимодействии с войсками Говорова окружить и уничтожить лужскую группировку противника. С целью улучшения управления войсками 25 февраля на лужское направление было переброшено полевое управление 8-й армии, которое возглавило два стрелковых корпуса, переданные из 59-й армии. Таким образом, 8-я армия в новом составе из крайне правой превратилась теперь в левофланговую и повела наступление на станцию Передольскую.

Бывшие соединения генерала Старикова были переподчинены 54-й армии, которой на правом крыле предстояло не позднее 23 – 24 января взять Любань и содействовать войскам Ленинградского фронта в овладении Тосно и выдвижении к Сиверскому. 26 января войска 54-й армии освободили Тосно, а затем Любань и Чудово. Октябрьская железная дорога была освобождена на всем ее протяжении. Главные силы генерала Рогинского также устремились к Луге.

В то же время 59-я армия, развернув наступление на Батецкий и Лугу, сломила сопротивление противника, пытавшегося удержать линию железной дороги Оредеж – Дно, по которой должна была отходить оказавшаяся под угрозой окружения любанско-чудовская группировка. К концу дня 26 января войска генерала Коровникова вышли к верховьям Луги, захватили плацдарм на ее западном берегу, на участке севернее станции Передольская перерезали железную дорогу Ленинград – Дно. 27 января 8-я армия вошла в освобожденную 5-й партизанской бригадой Передольскую.

С освобождением городов Пушкин, Красногвардейск, Любань, Чудово и Октябрьской железной дороги блокада Ленинграда была полностью ликвидирована. Закончилась беспримерная в истории эпопея защиты города, выдержавшего 900-дневную осаду.

К 30 января войска Говорова и Мерецкова взломали оборону 18-й армии на 300-километровом фронте, с боями продвинулись на 60 – 100 км, вышли к вражескому оборонительному рубежу по реке Луга и перерезали важнейшие коммуникации противника. Видя реальную угрозу окружения остатков 18-й армии, потери которой достигли 31 000 (в том числе 14 000 убитыми), командующий группой армий «Север» начал отвод их в западном и юго-западном направлениях.

Надежды на удержание Северного вала безвозвратно рухнули. Гитлер одобрил приказ Кюхлера от 30 января, но на следующий день вызвал фельдмаршала к себе в Ставку и отстранил его от командования без привлечения к дальнейшей работе. Новым командующим группой армий «Север» 31 января был назначен генерал Вальтер Модель – «пожарный» Гитлера. Перед войсками ставилась задача остановить наступление Ленинградского и Волховского фронтов на

оборонительном рубеже по реке Луга, сохранить за собой железную и шоссейную дороги Луга – Псков, необходимые для отвода соединений 18-й армии на тыловой оборонительный рубеж «Пантера». На лужский рубеж перебрасывались моторизованная и 12-я танковая дивизии из группы армий «Центр», пехотная дивизия – из 16-й армии.

Немцы не дали себя окружить и сумели отвести за Лугу разбитые соединения 18-й армии. Создав сильную группировку, они оказывали упорное сопротивление советским войскам.

30 января на ряде участков 2-го Прибалтийского фронта была проведена разведка боем крупными силами. А на следующий день войска генерала Попова перешли в наступление в направлении Новосокольников – Опочка.

Вновь приходилось наступать в очень трудных условиях, по сильно пересеченной местности с толстым снежным покровом, изрезанной многочисленными балками, заполненными водой. Высоты и подступы к ним были покрыты лесом и кустарниками. Для танков такая местность была почти непроходимой, и вся тяжесть наступления вновь легла на плечи пехоты. И вновь надеялись задавить противника количеством.

Главный удар южнее шоссе Новосокольников – Маево наносила значительно усиленная 10-я гвардейская армия. В ее состав теперь входили 14 стрелковых дивизий, сведенных в пять корпусов, 29-я и 78-я танковые бригады, 5 отдельных танковых полков, 2-й артиллерийский корпус, 6-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада, 21-я гвардейская минометная бригада М-30 и 4 отдельных полка реактивной артиллерии.

Участок предполагаемого прорыва занимал по фронту всего 7,5 км. В этих границах стрелковым дивизиям 15-го и 7-го гвардейских корпусов нарезались полосы шириной в 1200 – 1300 м. А 19-й гвардейский корпус, наступавший на левом фланге армии, получал на дивизию всего по 600 – 800 м. Первый эшелон усиливался за счет отдельных танковых полков. Позади 7-го корпуса располагался 100-й гвардейский, предназначавшийся для развития успеха. 96-й стрелковый корпус наносил вспомогательный удар на правом фланге.

В этой полосе с немецкой стороны оборону занимали части 83-й и 23-й пехотных дивизий, а также 14-й штрафной и сводный строительный батальоны. Глубина первой полосы равнялась 4 – 6 км. Вторая проходила севернее железной дороги Новосокольников – Маево. Оборона состояла из хорошо организованной системы узлов сопротивления, основой которых являлись населенные пункты и господствующие высоты. Насыщенность ее огневыми средствами не превышала, однако, 15 – 20 пулеметов и 12 – 15 орудий и минометов на километр фронта. Оперативных резервов противника в непосредственной близости советская разведка не обнаружила.

Впрочем, ввиду краткости отведенного на подготовку времени штаб армии располагал довольно скудными данными о противнике: были известны общее начертание переднего края, расположение небольшого количества пулеметных точек и некоторые районы расположения артиллерийских батарей. Поэтому лишь 30 процентов советской артиллерии выделялось для подавления конкретных огневых точек. Основная масса артиллерии должна была подавлять районы целей в период артподготовки и сопровождения атаки.

Таким образом, 10-я гвардейская армия, командование которой принял генерал-лейтенант М.И. Казаков, имела абсолютное превосходство над врагом как в огневых средствах, так и в ударной силе. Только в первом эшелоне армии действовало шесть дивизий, а плотность артиллерийской группировки достигала 180 стволов на километр фронта. Специально сформированная контрбатарейная группа насчитывала до 200 орудий калибра 122 и 152 мм.

Левее армия генерала Чистякова наносила удар на Маево.

Тем не менее наступление развивалось крайне медленно. Войска продвигались вперед по два, иногда по одному километру в день. Наибольших успехов добился 15-й гвардейский корпус генерала Н.Г. Хоруженко. В первые сутки он продвинулся на глубину 6 км, к исходу

третьего дня операции достиг второй оборонительной полосы. Однако левофланговые 7-й и 19-й гвардейские корпуса сильно отставали, отчасти потому, что попытка соседей 6-й гвардейской армии прорвать оборону противника провалилась. Чтобы не попасть под фланговый удар, вместо наступления всеми силами строго на север генералу Казакову часть дивизий приходилось разворачивать фронтом на запад. Уже 1 февраля в бой пришлось бросить дивизии второго эшелона и танковые бригады, в ночь на 5 февраля в сражение был введен 100-й стрелковый корпус.

Наконец, 29-я гвардейская дивизия совершила рывок навстречу правому соседу и 7 февраля соединилась с передовыми частями 22-й армии в районе совхоза Минькино, после чего немцы поспешно очистили новосокольнический выступ. С 8 февраля войска 10-й гвардейской армии по указанию командующего фронтом начали перегруппировку к рубежу Шетьково, чтобы продолжить наступление в северо-западном направлении. Утром 11 февраля гвардейцы атаковали противника и овладели опорными пунктами первой линии. В последующие два дня были освобождены Струги, Вешня, Иваново. Дальнейшего развития наступление не имело.

Таким образом, продвинувшись на 15 – 20 км и освободив город Новосокольники, центр 2-го Прибалтийского фронта к середине февраля вышел на рубеж Насва – Маево. До Опочки оставалось еще 70 км. Немцы к этому времени перебросили в район прорыва дополнительно части 290-й и 205-й пехотных дивизий, отдельные пехотные и строительные батальоны и организованным огнем на заблаговременно подготовленных рубежах остановили продвижение советских войск.

В начале февраля южнее Старой Руссы вновь перешла в наступление 1-я ударная армия и вновь без особого успеха. 16-я германская армия прочно удерживала свои позиции.

Основные усилия войск Ленинградского и Волховского фронтов в начале февраля направлялись на преодоление лужского оборонительного рубежа.

Армии генерала Говорова развивали наступление на трех направлениях: 2-я ударная – на Кингисепп, Нарву, 42-я – на Гдов и Струги Красные, 67-я – на Лугу с севера. Действовать приходилось в тяжелых условиях бездорожья. Противник при отходе разрушал мосты, взрывал лед на реках и болотах, устраивал лесные завалы, минировал дороги, оставлял в населенных пунктах большое количество мин-ловушек. Тем не менее наступление советских войск развивалось успешно. Соединения 2-й ударной армии при поддержке авиации Балтийского флота форсировали Лугу южнее Кингисеппа и 1 февраля в результате умелого обходного маневра и ночного штурма овладели городом. Преследуя отходящего противника, они 3 февраля форсировали реку Нарва, захватили на ее левом берегу плацдармы и начали бои за их расширение. Советские войска вступили, таким образом, на территорию Эстонии.

42-я армия переправилась через Лугу, 4 февраля вступила в освобожденный партизанами Гдов, к середине месяца вышла к Чудскому озеру и к Стругам Красным. Соединения 67-й армии, развивая удар на город Луга, к исходу 8 февраля охватили лужскую группировку противника с запада и севера.

54-я армия Волховского фронта 8 февраля овладела Оредежем, на следующий день ее полевое управление было переброшено на левый фланг фронта.

59-я армия наступала на Лугу с востока, а 8-я армия обходила город с юго-востока, частью сил обеспечивая ударную группировку фронта со стороны Шимска.

Напряженные бои развернулись за коммуникации к югу и востоку от города Луга и за овладение этим важным узлом сопротивления. Противник всемерно усиливал это направление за счет резервов и войск, отходивших из-под Ленинграда. Наступать приходилось по лесам и топям, зачастую вне дорог. Войска оторвались от баз снабжения; остро ощущался недостаток боеприпасов, горючего и продовольствия, не хватало автотранспорта. Танковые и самоходно-артиллерийские части понесли значительные потери и не могли оказать существенной

помощи стрелковым войскам. Все это отрицательно сказалось на темпах наступления. Лишь к исходу 12 февраля армия Коровникова вышла во всей полосе к реке Луга. Частью сил она продолжала продвигаться к городу Луга, а остальными начала наступление в южном направлении.

8-я армия наносила удар в направлении Уторгош – Струги Красные, отрезая пути отхода 18-й армии. Чтобы сохранить единственную коммуникацию для отвода лужской группировки, немцы создали на стыке своих 18-й и 16-й армий оперативную группу войск генерала Ганса Фриснера, подчинявшуюся непосредственно Моделю. Фриснер, воспользовавшись пассивностью правого крыла 2-го Прибалтийского фронта, получил из 16-й армии 121-ю пехотную дивизию и, бросив ей навстречу 12-ю танковую и 285-ю охранную дивизии, нанес по войскам Старикова контрудар по сходящимся направлениям от Луги на юго-восток и от Уторгоша на северо-запад. Этим маневром немцам удалось отрезать от главных сил передовые соединения 7-го стрелкового корпуса. В окружении оказались 256-я и отдельные подразделения 372-й стрелковой дивизий, а также полк партизанской бригады. Командир 256-й стрелковой дивизии А.Г. Козиев организовал круговую оборону и двенадцать часов удерживал занимаемый район, пока туда не прорвались части 8-й и 59-й армий.

Опираясь на заранее подготовленный оборонительный рубеж по реке Мшага, противник сумел еще некоторое время удерживать в своих руках шоссе Луга – Псков и вывести по нему значительную часть войск из-под Луги. Город был освобожден лишь 12 февраля 67-й армией Ленинградского фронта при содействии 59-й армии Волховского фронта. К середине февраля войска полностью преодолели оборонительный рубеж по реке Луга.

В итоге напряженных боев с 31 января по 15 февраля войска Ленинградского и Волховского фронтов продвинулись на различных направлениях на 50 – 120 км, вышли на рубеж реки Нарва, севернее озера Псковское, Середка, Плюсса, Шимск.

15 февраля в связи с тем, что ширина полосы наступления значительно сократилась, Волховский фронт был расформирован. Его управление выводилось в резерв Ставки, армии передавались Ленинградскому фронту. При этом последовательно осуществлялись вывод управлений 59-й и 8-й армий в резерв фронта и переброска их на нарвское направление.

Еще один штрих. По признанию Мерецкова, ему очень не хотелось сдавать командование в тот момент, когда главные трудности, казалось, были преодолены и впереди маячило победоносное наступление: «...я даже кое-что прикидывал заранее, планируя, как волховчане приступят к освобождению Эстонии и Латвии, а возможно, и Белоруссии». Правда, при этом маршал не вспоминает, что все «точно установленные сроки» уже вышли. Видимо, о лаврах победителя группы армий «Север» мечталось и Говорову, поскольку, как сообщает генерал армии Штеменко, именно Говоров предложил расформировать Волховский фронт: «Он считал, что в интересах единства управления войсками на псковском направлении вся полоса Волховского фронта должна быть передана ему. Ставка с этим согласилась. Но, как оказалось впоследствии, это было ошибкой».

Потери Волховского фронта в ходе операции составили 50 300 человек убитыми и ранеными.

В пополненном составе войска Ленинградского фронта продолжали наступление на двух операционных направлениях – нарвском и псковском. Ставка 22 февраля поставила новые задачи. Армиям правого крыла предстояло освободить город Нарва и прорвать Нарвский укрепленный район. После этого одной из армий следовало наступать на Пярну, чтобы отрезать пути отхода таллинской группировки противника на юг, а двумя – в направлениях Вильянди, Валга и Тарту, Выру. Левое крыло фронта должно было продолжать безостановочное преследование противника на псковском и островском направлениях с целью не дать ему возможности отвести свои войска на тыловой оборонительный рубеж «Пантера» и организовать там

жесткую оборону. Его главные усилия сосредоточивались на овладении районом Острова в обход Пскова и форсировании реки Великая, после чего предусматривалось развивать наступление в общем направлении на Ригу.

2-й Прибалтийский фронт еще 17 февраля получил задачу силами 3-й ударной и 10-й гвардейской армий прорвать немецкую оборону юго-восточнее Пустошки, захватить переправы через реку Великая севернее Идрицы, овладеть рубежом Опочка, Зилупе, а в дальнейшем ударом через Резекне и Карсаву во взаимодействии с войсками левого крыла Ленинградского фронта разгромить вражескую группировку в районе Острова. Таким образом, армия Казакова вновь переориентировалась на идрицкое направление. 1-й ударной и 22-й армиям предстояло в это время активными действиями сковать противостоящего противника.

Во второй половине февраля Ленинградский фронт силами 2-й ударной армии расширил плацдарм на западном берегу Нарвы до 35 км по фронту и до 15 км в глубину и создал благоприятные условия для развертывания наступления на территории Эстонии.

42-я и 67-я армии, преследуя противника, вышли к Пскову с севера и востока.

8-я и 54-я армии выбили врага с промежуточных позиций по рекам Мшага и Шелонь. После этого первая из них была выведена в резерв фронта и переброшена в район Нарвы, а вторая заняла Порхов и вышла на подступы к Острову. За 15 суток войска левого крыла фронта, преодолевая яростное сопротивление противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах, продвинулись на 50 – 160 км и вышли к Псковско-Островскому укрепленному району. Однако с ходу прорвать его не смогли.

Успешное наступление Ленинградского фронта на псковско-островском направлении создало реальную угрозу выхода советских войск во фланг и тыл 16-й армии. Поэтому германское командование предприняло отступление на широком фронте.

Казалось, теперь наступили самые благоприятные условия для действий 2-го Прибалтийского фронта. Однако разведка фронта «проспала» отход противника. Соприкосновение с ним было утеряно. 18 февраля войска Попова заняли Старую Руссу, через три дня – Холм, 27 февраля – Пустошку. Запоздалое продвижение за уходящими немцами помешало организовать энергичное преследование: противник отошел планомерно, вывел свою технику, живую силу и закрепился на заранее подготовленном рубеже восточнее Остров – Пушкинские Горы – Идрица. В конце февраля войска фронта подошли к этому рубежу, но здесь, на подступах к границе Латвии, были остановлены организованным огнем из окопов полного профиля, минными полями и проволочными заграждениями.

Судя по воспоминаниям генерала армии Сандалова, советское командование до этого и не подозревало о существовании в тылу группы «Север» мощного тылового рубежа обороны и серьезного сопротивления уже не ожидало: «Немецкое командование, **как установили позже**, не имело намерения глубоко отводить свои войска. Армии Ленинградского фронта, наступавшие на псковском и островском направлениях, вынуждены были вскоре приостановить наступление. Остановились и армии нашего фронта. Оказалось, что противник оттянул свои войска на заранее подготовленный оборонительный рубеж под названием «Пантера». В другом месте Сандалов специально акцентирует внимание на том, что «последними операциями Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов были установлены важные для Ставки данные о том, что фашистское командование не имеет намерения отводить свои войска на юго-запад и запад. Оно остановило свою группу армий «Север» на заранее подготовленном оборонительном рубеже «Пантера».

Несмотря на значительное продвижение, войскам Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов не удалось полностью выполнить поставленные задачи по развитию наступле-

ния в направлениях Валга, Выру, Рига и Карсава. Для прорыва Нарвского и Псковско-Островского укрепленных районов, а также оборонительного рубежа противника по линии Новоржев – Пустошка, по мнению советских мемуаристов, оказалось недостаточно сил. Лишь генерал Федюнинский признал: «Главной причиной неудачи явилось не столько сопротивление врага, сколько серьезные недостатки в организации наступления и управлении войсками со стороны штабов, командиров всех степеней, и прежде всего командарма и командиров корпусов. Немалую роль сыграли также наше благодушие и обольщение успехами боев до выхода к реке Нарве».

В первых числах марта войска обоих фронтов закрепились на достигнутых рубежах и приступили к подготовке новых операций.

Таким образом наступательная операция Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов завершилась успехом, имевшим важное военно-политическое значение. В ходе ее войска, взломав оборону врага на фронте до 600 км, отбросили его на 220 – 280 км от Ленинграда, а южнее озера Ильмень продвинулись на запад до 180 км, освободив почти всю Ленинградскую и часть Калининской областей, вновь вступили на землю Эстонии.

Наступление советских войск на северо-западном направлении лишило немецкое командование возможности использовать силы группы армий «Север» для переброски на юг, где Красная Армия наносила главный удар зимней кампании.

Однако, хотя группа армий «Север» потерпела тяжелое поражение, разгромлена она не была.

«Результатом Первого сталинского удара было: полное освобождение Ленинградской области и важнейшей ж.-д. магистрали Ленинград – Москва; сокрушение всего северного стратегического фланга немецких армий. Советские войска разгромили главные силы немецкой группы армий «Север»; были созданы выгодные условия для последующего наступления в Прибалтике и Белоруссии».

О ТОМ, ЧТО НЕ СБЫЛОСЬ

Вышеописанные события в советской и российской военной истории получили ярлычок: «Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция». При внимательном рассмотрении возникают как минимум три вопроса.

Во-первых, потери.

Наиновейшее статистическое исследование, изданное под патронажем Российского Генерального штаба, сообщает, что советские потери за 48 суток операции – с 14 января по 1 марта 1944 года – составили 313 953 человека убитыми и ранеными, 462 танка, 1832 орудия и миномета, 260 боевых самолетов. Однако потери 2-го Прибалтийского фронта подсчитаны только за последние 19 дней операции, то есть начиная с 10 февраля (фактически за тот период, когда фронт потерял боевое соприкосновение с противником, осуществлявшим генеральное отступление). А ведь, если верить генералу армии Л.М. Сандалову (а почему бы не поверить бывшему начальнику штаба 2-го Прибалтийского фронта?), именно в первой половине января, к примеру, «особенно тяжело, со значительными потерями, наступали корпуса 10-й гвардейской армии». В середине февраля генерал М.М. Попов жаловался, что «во время только что проведенной операции мы израсходовали большую часть боеприпасов и горючего, численность личного состава в дивизиях уменьшилась до трех с половиной и даже до трех тысяч человек (*то есть почти вдвое*). Исправных танков и автомобилей осталось мало». Из наших же источников следует: не было никакого наступления, не было и потерь.

В результате вырисовывается странная картина: Ленинградский фронт, успешно прорвав немецкую оборону и преследуя противника, потерял, по официальным данным, 227 440 человек. 2-й Прибалтийский в безрезультатных кровопролитных атаках – только 29 710 – почти в десять раз меньше.

Что-то мешает мне поверить в эту «латынь».

Во-вторых, не мелковаты ли масштабы для Первого сталинского удара?

Да, несомненно, Верховный хотел гораздо большего. Конечной целью наступления являлось полное «освобождение» Эстонии и большей части Латвии. В этом плане большое значение имели успешные действия двух Прибалтийских фронтов. Нанося удар смежными крыльями в стык групп армий «Центр» и «Север», они должны были изолировать и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта уничтожить группировку Кюхлера. Сознательно забыто, что при создании 1-го Прибалтийского фронта Ставка поставила его командованию однозначную задачу – развивать наступление в Прибалтику. Конечной целью этого наступления вдоль Западной Двины – через Витебск, Полоцк, Даугавпилс – должны были стать Рига и побережье Рижского залива. Однако сразу споткнулись уже на Витебске.

Операция фронта, которым командовал свежее испеченный генерал армии И.Х. Баграмян, началась 13 декабря 1943 года. В ней приняли участие 4-я ударная, 11-я гвардейская, 43-я и 39-я общевойсковые армии, 1-й и 5-й танковые, 3-й кавалерийский корпуса. Им противостояли 9-й, 53-й, 6-й армейские корпуса 3-й танковой армии генерала Рейнгардта – 8 пехотных и авиаполевых дивизий.

Замысел заключался в том, чтобы встречными ударами в направлении станция Бычиха войск 4-й ударной и 11-й гвардейской армий прорвать оборону немцев на флангах городокского выступа, окружить и уничтожить их группировку, а затем развивать удар на юг, овладеть Городком и Витебском. Левофланговой 39-й армии генерала Н.Э. Берзарина предстояло нанести удар с юго-востока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.